

Лекционный материал

1. История России XX век: учеб. пособие / О.А. Яновский [и др.]; под ред. В.И. Меньковского и О.А. Яновского.— Минск: РИВШ, 2005. — 704 с.

С данным учебным пособием можно ознакомиться по адресу:
<https://yadi.sk/d/zyAyxPstdoMMo>

2. Кorteж Российской власти. IX—XXI века. Биографический справочник. В 3 ч. / Сост. О. Я. Яновский и др. — Минск: РИВШ, 2013—2014.

Рекомендуемые для изучения издания подготовлены преподавательским коллективом кафедры истории России Белорусского государственного университета.

В издании «История России XX век» под общей науч. редакцией заведующего кафедрой истории России БГУ профессора О. А. Яновского содержатся отдельные главы, посвященные истории России и Украины.

«Кorteж Российской власти. IX—XXI века. Биографический справочник» состоит из трех частей. Он также подготовлен преподавательским составом кафедры истории России БГУ. В биографическом справочнике собраны краткие жизнеописания представителей верховной российской власти с древнего времени до начала XXI в. Представлены биографии тех, кто чаще всего упоминается в вузовских учебных пособиях по истории. Данное издание рекомендовано учебно-методическим объединением по гуманитарному образованию Республики Беларусь в качестве пособия для студентов, обучающихся по специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

Предназначен для студентов-историков с целью расширения их научно-образовательного кругозора, для выполнения заданий по управляемой самостоятельной работе, а также для всех, кто интересуется историей России и Украины.

Расстановка социальных и политических сил в России и Украине накануне и после Февральской революции

К началу XX в. Российская империя продолжала оставаться абсолютной монархией, что резко выделяло ее даже среди относительно развитых стран. Только революция 1905—1907 гг. вынудила царизм пойти на провозглашение политических свобод и согласиться на создание общеимперских представительных учреждений.

Непосредственный толчок к началу революции дало «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда было расстреляно мирное рабочее шествие к Зимнему дворцу, организованное гапоновским «Собранием». Это трагическое событие нанесло непоправимый удар народной вере в царя, вызвало волну демонстраций протеста и забастовок по всей стране.

Начиная с Иваново-Вознесенской стачки (май — июль 1905 г.), организационными центрами забастовочного движения все чаще становятся Советы рабочих депутатов. С каждым месяцем революционное движение охватывало все новые слои и группы населения. Весной по стране прокатилось мощное крестьянское движение, сопровождавшееся разгромом помещичьих усадеб. О росте крестьянского самосознания свидетельствовало создание летом 1905 г. Всероссийского крестьянского союза. За организацию всеобщей политической стачки высказался профессионально-интеллигентский «Союз союзов». Началось брожение в армии и на флоте. В июне 1905 г. красный флаг был поднят над восставшим черноморским броненосцем «Потемкин».

В этих условиях в правящих кругах усиливалось течение в пользу косметического ремонта здания абсолютной монархии. 18 февраля был опубликован высочайший манифест с призывом «искоренения крамолы» во имя «укрепления истинного самодержавия», а также царский указ Сенату, разрешавший подавать на имя царя проекты усовершенствования государственного устройства. Тогда же Николай II подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о подготовке к созыву законосовещательной Думы. В результате 6 августа 1905 г. появился манифест об учреждении Думы (получившей в литературе название «Булыгинской»), который не удовлетворил ни либерально-демократические, ни радикально-революционные круги.

Кульминационным моментом революции стала Всероссийская октябрьская политическая стачка, охватившая 120 городов, сотни фабричных и станционных поселков. Сотни тысяч человек вышли на уличные демонстрации и митинги, требуя демократических свобод и созыва Учредительного собрания. Жизнь в стране была полностью парализована.

Царское правительство теряло контроль над ситуацией. В этих условиях Николай II вынужден был пойти на более серьезные уступки. 17 октября 1905 г. был

издан высочайший манифест, даровавший подданным империи свободу слова, совести, собраний и союзов. Был обещан созыв выборной законодательной Думы. Предусматривалось, что «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». Россия получала шанс перейти от самодержавной формы правления к конституционной монархии и либерализации политического режима.

Манифест 17 октября в какой-то мере снизил накал революционных выступлений. И все же конец 1905 г. характеризовался сильным социальным противостоянием, крупнейшими проявлениями которого стали восстание солдат Севастопольского гарнизона и моряков Черноморского флота (ноябрь), Декабрьское вооруженное восстание в Москве, и последовавшие за ним революционные вооруженные выступления в Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Харькове, Красноярске, Чите и других городах. В ряде мест власть на некоторое время перешла в руки Советов рабочих депутатов.

Стремительное развитие революции подтолкнуло к консолидации ревнителей самодержавных устоев всех сословий. Одной из первых организационно оформленных политических структур дворянских монархистов стала Русская монархическая партия (РМП), сложившаяся в апреле 1905 г. вокруг газеты В. А. Грингмута «Московские ведомости». Бурный же рост массовых организаций крайне правого толка приходится на конец года.

Участников «патриотических» манифестаций и погромщиков стали называть черносотенцами. Поскольку в средневековой Руси «черная сотня» означала посадное посадское население, такое название давало черносотенцам повод для политических спекуляций, возможность объяснять свои действия «идеологическими установками» простого рабочего люда. Объединяющим центром черносотенного движения стал возникший в ноябре 1905 г. всесословный «Союз русского народа» (СРН), в состав которого к весне 1907 г. входила большая часть ранее самостоятельных партий и организаций. Выдвижению Союза на первый план способствовало содействие правящих сфер — материальное, политическое, идеологическое. Руководство партий осуществлял Главный совет под председательством доктора медицины А. И. Дубровина. Видными деятелями СРН были также В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков. Официальным печатным органом партии стала газета «Русское знамя». В целом черносотенная периодическая печать, особенно провинциальная, была рассчитана на невзыскательных читателей, отличалась крайней агрессивностью и грубостью тона.

Осенью 1905 г. в основном завершился процесс партийного размежевания внутри либерального лагеря. Правый фланг российского либерализма занял «Союз 17 октября», сложившийся в ноябре на базе меньшинства земско-городских съездов. Те уступки, которые были обещаны царским манифестом, октябристов вполне удовлетворили. По своей социальной природе Союз пред-

ставлял собой партию служилого и поместного дворянства, а также крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Председателем ЦК партии до осени 1906 г. был крупный землевладелец Д. Н. Шипов, затем — представитель московской купеческой фамилии А. И. Гучков.

Одной из наиболее влиятельных политических организаций России стала Конституционно-демократическая партия, организационно оформившаяся в октябре 1905 г. С 1906 г. к основному названию было добавлено новое: Партия народной свободы. Кадеты, прочно заняв место на левом фланге российского либерализма, явились серьезной политической оппозицией режиму. В социальном плане кадетскую партию представляли преимущественно интеллигенция и либеральное поместное дворянство. Признанным лидером партии стал П. Н. Милюков. Идеалом политического устройства для кадетов была конституционная парламентская монархия английского типа.

В неонародничестве в ходе революции вызревали два уклона: правый и левый. В сентябре 1906 г. группа народнических публицистов журнала «Русское богатство» образовала Трудовую народно-социалистическую партию. В числе лидеров партии были Н. Ф. Анненский, В. Г. Богораз, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов. В отличие от эсеров энесы были сторонниками не революционного, а эволюционного перехода к социализму и отдавали предпочтение легальным формам организации и борьбы.

Характерно, что широким слоям населения в годы революции были почти неизвестны программные разногласия между социалистами разного толка, но народные массы притягивала революционная идея как таковая. Именно поэтому значительно возросли численность и влияние радикально-революционных партий.

Партия социалистов-революционеров окончательно конституировалась на своем I съезде, проходившем в конце 1905—начале 1906 г. Эсеровская концепция революции существенно отличалась от большевистской и меньшевистской. Отрицая гегемонию пролетариата, эсеры одновременно считали несостоятельным и причисление буржуазии к движущим силам революции. Вполне справедливо подчеркивая «огромную революционную роль крестьянства», к его союзникам они относили пролетариат и интеллигенцию, отождествляющую свои интересы с интересами трудовой массы.

Подобно большинству революционных демократов, воодушевленных ростом революционного движения, эсеры бойкотировали Булыгинскую думу, участвовали во Всероссийской октябрьской политической стачке, Декабрьских вооруженных восстаниях 1905 г. В начале 1907 г. они пошли на заключение соглашения о совместной тактике при выборах во II Думу с другими революционными партиями. Это был единственный случай участия эсеров в выборах, т. к.,

стремясь к вооруженному свержению самодержавия, они игнорировали парламентскую деятельность.

Осенью 1906 г. из партии эсеров выделился «Союз социалистов-революционеров максималистов» (ССРМ), который обвинил все социалистические партии в «урезывании» социализма и революции. В руководстве этой партии, объединявшей в основном рабочих и учащихся, выделялись М. И. Соколов, В. В. Мазурин, Г. А. Нестроев. По неполным данным, за 1906—1907 гг. максималистами было осуществлено свыше 50 террористических актов.

Стихийный взрыв революции выявил неподготовленность к ней социал-демократии. И большевики, и меньшевики, считая революцию буржуазно-демократической по своему характеру, делали принципиально различные выводы о ее движущих силах и перспективах. Сторонники В. И. Ленина роль гегемона революции отводили пролетариату, ставили вопрос о подготовке вооруженного восстания и ориентировались на установление в случае его победы «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

Меньшевики видели в крестьянском движении не только революционные, но и реакционные тенденции и считали, что прочного союза между пролетариатом и крестьянством быть не может. Ведущую роль рабочего класса в революции они понимали гораздо уже: пролетариат, по их мнению, инициирует движение, берет на свои плечи основную тяжесть борьбы, выступает от имени всех угнетенных, но не претендует на роль абсолютного руководителя и преемника царизма у кормила власти.

Однако сама действительность заставляла местные организации обеих фракции РСДРП идти в одном направлении в военно-боевой работе. Так, меньшевики вместе с большевиками участвовали в восстании на броненосце «Потемкин», в декабрьских баррикадных боях в Москве и т. д. В апреле 1906 г. на IV съезде РСДРП произошло в значительной мере формальное, как впоследствии оказалось, объединение российских социал-демократов.

После поражения декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. революция перешла в нисходящую стадию, что особенно проявилось в снижении активности пролетариата. Зато крестьянское движение, возобновившееся весной 1906 г. по своему накалу приближалось к осеннему подъему первого года революции.

Продолжались волнения в вооруженных силах. В июле произошли восстания солдат и матросов в Свеаборге и на крейсере «Память Азова» в Кронштадте. На период спада революции приходится деятельность двух первых Государственных дум России. Выборы в них проходили по Положению 11 декабря 1905 г., обеспечивавшему численное преобладание депутатов от крестьян. С одной стороны, царское правительство пыталось таким образом успокоить крестьян, отвлечь их от революционной борьбы, с другой — тешило себя надеждой на крестьянскую веру в доброго царя.

20 февраля 1906 г. были изданы манифест и положения, определяющие законодательный статус Государственной думы и переустройство Государственного совета. После опубликования 24 апреля 1906 г. новой редакции Основных государственных законов, зафиксировавших передачу законодательной власти Государственному совету (избирался только наполовину, остальные члены назначались царем) и Государственной думе, у праволиберальной общественности появились, казалось бы, веские основания считать Российское государство конституционной монархией. Однако для традиционалистов конституции в стране не существовало: хотя из Основных законов и было удалено определение царской власти как власти «неограниченной», в них сохранялось понятие «самодержавная власть». Из трех стадий выработки закона — почин, обсуждение и санкция — представительные учреждения были свободны только в обсуждении, тогда как законодательная инициатива их была ограничена в пользу исполнительной власти, а санкция полностью принадлежала императору. К тому же правительство всегда могло воспользоваться статьей 87-ой Основных законов, которая предполагала возможность «чрезвычайного законодательства» в случае прекращения или перерыва деятельности Думы и Государственного совета.

I Государственная дума действовала всего 72 дня — с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Беспартийные крестьянские депутаты, объединившись во фракцию трудовиков, составили в Думе большинство. Из политических партий больше всего мест получили кадеты. Поэтому председателем Думы был избран один из наиболее авторитетных деятелей партии С. А. Муромцев.

С самого начала работы Думы в Таврическом дворце преобладали заявления и декларации радикального характера. Пользуясь правом делать запросы высшим инстанциям о неправомочных действиях государственных лиц и учреждений, депутаты регулярно устраивали судилища над тем или иным министром. В этих условиях большинство сановников считало невозможным какое-либо сотрудничество с Думой и по предложению председателя Совета министров И. Л. Горемыкина перестало являться на ее заседания. Но такая тактика бойкота парализовала и деятельность самого кабинета.

Во многом из-за митинговых страстей законодательная деятельность «Думы народного гнева» была ничтожной. Она успела одобрить лишь 2 законопроекта: об отмене смертной казни (депутатский) и о помощи пострадавшим от неурожая (правительственный). Первый из них не был рассмотрен Государственным советом до роспуска Думы, после чего был признан верхней палатой отклоненным. Второй законопроект, внесенный правительством в ответ на думский запрос, сами же депутаты значительно изменили, сократив ассигнования с 50 до 15 млн. рублей.

Наиболее острыми были противоречия между Думой и исполнительной властью в аграрном вопросе. Надежды правительства на крестьянских депутатов не оправдались. Трудовики предложили создать «общенародный фонд» земли с последующим ее распределением по трудовой норме между земледельческим населением. Осуществление этого проекта означало бы полную, безвозмездную ликвидацию помещичьего землевладения в пользу крестьянства.

В связи с «разжиганием смуты» 8 июля I Государственная дума была распущена, что застало депутатов врасплох. Кадеты приняли решение отправиться в Выборг — ближайший к Петербургу город на территории Великого княжества Финляндского, чтобы там вместе с другими фракциями Думы принять обращение к народу. Выборгское воззвание группы депутатов I Думы к гражданам России содержало призыв отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против разгона «лучших людей». Позже лица, подписавшие его, были преданы суду и приговорены к 3-месячному заключению, что означало лишение их избирательных прав.

20 февраля 1907 г. собралась II Государственная дума. Председателем ее стал земский деятель кадет Ф. А. Головин. Состав Думы оказался более пестрым: в ней появились социалистические партии, бойкотировавшие предыдущие выборы, а также черносотенцы. Социал-демократы, выступившие на выборах с тактикой «левого блока», получили 65 мест, а всего левые силы завоевали 222 мандата. То, что в Думе оказалось много полуграмотных крестьян, дало повод правому депутату графу В. А. Бобринскому презрительно назвать ее «Думой народного невежества».

Государственная дума второго созыва сняла с повестки дня обсуждение вопросов об амнистии, отмене смертной казни и другие. Радикальные требования трудовиков и социалистов в аграрном вопросе окончательно убедили правительство в том, что ждать конструктивной работы от Думы не приходится. К тому же стало известно, что левые фракции занялись антиправительственной деятельностью и вне стен Таврического дворца. 3 июня в связи с отказом депутатов лишить неприкосновенности представителей социал-демократической фракции, обвиняемых в подготовке переворота, она была распущена. Одновременно был издан закон о выборах, обеспечивавший преобладание в Думе правых и правоцентристских партий.

Если роспуск Думы не противоречил Основным законам, то издание нового избирательного закона «без одобрения Государственного совета и Государственной думы» представляло собой уже превышение власти императором. Поэтому принято считать, что 3 июня 1907 г. был совершен акт государственного переворота, который ознаменовал собой и окончание революции.

Главным итогом социальных потрясений 1905—1907 гг. явилось то, что Россия получила возможность делать первые шаги на пути к гражданскому обществу.

В ходе революции было учреждено законодательное представительство, отменена предварительная цензура, разрешалась свобода слова и печати. В деревне наконец-то были отменены выкупные платежи. Повысился жизненный уровень рабочих (поднялась зарплата, уменьшился рабочий день). Хотя и в урезанном виде, многие завоевания революции просуществовали до падения царизма.

Установившийся в послереволюционной России режим получил в литературе устойчивое наименование Третьеиюньской монархии. Важным звеном этой политической системы была Государственная дума. Проведенные по избирательному закону 3 июня 1907 г. выборы вполне соответствовали замыслу его создателей: не допустить образования в Думе не только левого, но и правого большинства. Сама третьеиюньская Дума из инструмента, призванного примирять власть и общество, постепенно превращалась в один из основных факторов внутривластной нестабильности.

В IV Думе, созванной 15 ноября 1912 г., существенно усилились фланги при резком ослаблении позиций «Союза 17 октября». Кроме того, в конце 1913 г. произошел раскол фракции октябристов. Так называемая нефракционная группа, объединившая правых октябристов, неизменно ориентировалась на правое черносотенное крыло Думы. Более умеренные позиции занимала фракция земцев-октябристов. Левые октябристы (С. И. Шидловский и др.) поддерживали идею А. И. Гучкова о бюджетном давлении на правительство с целью не допустить «полной ликвидации эры реформ».

Кадетская оппозиция выступила с требованиями демократизации избирательного закона, коренной реформы Государственного совета, формирования ответственного перед Думой правительства. Однако внутри самой кадетской партии имелось сильное правое течение, манифестом которого стал сборник статей известных ученых и публицистов (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве и др.) «Вехи» (1909). Веховцы призывали интеллигенцию к решительному отмежеванию от революции, отказу от чрезмерно радикальных требований. Одновременно по мере углубления кризиса третьеиюньской системы происходило усиление левого течения партии (Н. В. Некрасов и др.), которое выступало за оживление контактов с социалистами.

Социалисты послереволюционное время переживали очень тяжело. Партия эсеров находилась в состоянии кризиса, охватившего все стороны ее деятельности — идейную, тактическую, организационную. Разоблачение провокаторства Е. Ф. Азефа (1908) усилило сомнения в отношении террора как средства политической борьбы. Новое руководство партии не смогло оказать практически никакого влияния на предвоенный революционный подъем.

В первые годы после революции 1905—1907 гг. в глазах общества резко упал престиж РСДРП. В пролетарской среде чувствовались усталость, разочарование в былых революционных героях. В этих условиях в партии оформилось течение

меньшевиков-ликвидаторов (П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, А. И. Потресов), которое призвало свернуть всю нелегальную деятельность. Однако острота социальных противоречий в России, реформаторская несостоятельность царского правительства, наличие сильных революционных традиций в российском рабочем движении, а также внутренняя оппозиция в рядах самого меньшевизма не позволили ликвидаторству взять верх в социал-демократической среде.

Вокруг Г. В. Плеханова объединились сторонники так называемого партийного меньшевизма, требовавшие сохранения нелегальных социал-демократических организаций и революционного подполья. Это создавало почву для временного сближения между меньшевиками-партийцами и большевиками. Но Плеханов, критикуя ликвидаторство, не поддержал и решения 6-й (Пражской) конференции РСДРП (январь 1912 г.), которая отмежевалась от ликвидаторов.

За единство РСДРП выступал Л. Д. Троцкий, выпускавший в Вене в 1908 — 1912 гг. нефракционную газету «Правда». По его инициативе в августе 1912 г. в Вене была проведена своего рода контрконференция ряда организаций РСДРП, в том числе и национальных, которая образовала на платформе ликвидаторства так называемый Августовский блок.

Большевики предлагали готовить пролетариат к новой революции, сочетая имеющиеся легальные возможности с нелегальными формами борьбы. Однако произошел раскол и во фракции В. И. Ленина. Группа радикалов-отзовистов (А. А. Богданов, А. В. Луначарский) потребовала отзыва социал-демократов из Думы, перенесения центра тяжести всей деятельности в нелегальную сферу. Отзовисты объединились в группу «Вперед» и стали выпускать газету с одноименным названием.

Активность большевиков в предвоенные годы усилилась. В рабочей среде приобрела популярность легальная большевистская газета «Правда», выходившая в Петербурге с весны 1912 г. В отличие от меньшевиков большевики прошли в IV Думу от самых крупных промышленных губерний. В 1913 г. по инициативе большевиков думская фракция РСДРП разделилась на большевистскую и меньшевистскую.

Деятельность политических партий проходила на фоне подъема общедемократического движения, который отчетливо наметился уже с середины 1910 г. Мощным толчком, многократно усилившим революционные настроения в России, стал расстрел 4 апреля 1912 г. мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков «к начальству» со своими требованиями. В стачках протеста по поводу Ленского расстрела участвовало более 300 тыс. человек. В том же году начались волнения в армии и на флоте. К лету 1914 г. размах стачечной борьбы приблизился к уровню 1905 г., а накануне вступления России в Первую мировую войну на улицах Петербурга шли вооруженные столкновения рабочих с полицией.

Вступление России в войну 19 июля (1 августа) 1914 г. вначале привело к стабилизации внутривластного положения. Либералы выступили с лозунгом «внутреннего мира», призывая россиян забыть на время войны о внутренних противоречиях и оказать максимальную поддержку власти во имя победы. В Думе за военные кредиты проголосовали все фракции, за исключением большевистской.

Восточно-Прусская операция (август-сентябрь 1914 г.) закончилась неудачно для России, но оказала серьезное влияние на ход боевых операций на Западном фронте: немецкое командование было вынуждено перебросить на восток крупные силы, что явилось одной из важных причин провала германского наступления на Париж. Более успешными в это время для российских войск стали боевые действия против австро-венгров в Галиции, в ходе которых были заняты Львов и Черновцы, блокирована крепость Перемышль.

В 1915 г., когда немецкое командование, кардинально изменив план ведения войны, сосредоточило основные силы на Восточном фронте, российская армия была вынуждена оставить неприятелю Галицию, Польшу, часть Прибалтики и Беларуси. После тяжелых боев к концу лета 1915 г. линия фронта стабилизировалась.

Крупнейшим событием Первой мировой войны стал начавшийся в мае 1916 г. прорыв австро-венгерских позиций войсками генерала А. А. Брусилова: фронт противника был прорван на протяжении 350 км и на глубину до 120 км. Брусиловский прорыв улучшил стратегическое положение союзников России, но у самой российской армии сил для наступления по всему фронту уже не было. Оказав в начале войны поддержку царскому правительству, лидеры довоенной оппозиции рассчитывали на возможность конструктивного сотрудничества с ним. Однако эти надежды оправдались только в решении частных вопросов мобилизации внутренних ресурсов на нужды фронта.

23 августа 1915 г. Николай II, несмотря на недовольство либеральной бюрократии, взял на себя командование армией, устранив с поста главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Этот шаг царя предопределил его отказ от соглашения с думским большинством и постепенное удаление министров, подозреваемых в сочувствии парламентскому блоку. Усилилось вмешательство в дела государственного управления императрицы. По образному выражению В. М. Пуришкевича, началась «министерская чехарда», т. е. частые смены министров.

С 1916 г. все более заметным фактором, дестабилизирующим внутривластную жизнь страны, становилась хозяйственная разруха. Катастрофически не хватало топлива и металла. Промышленные предприятия все чаще срывали военные заказы, железнодорожный транспорт не справлялся с резко возросшим

объемом перевозок. В крупных городах начались перебои с продовольствием. На улицах появились длинные очереди.

Разруха многократно увеличила число приверженцев радикального разрушения системы. В 1916 г. более чем в два раза по сравнению с 1915 г. возросло число участников забастовок. В действующей армии значительный отклик приобретал лозунг революционного пораженчества: на отдельных участках фронта российские солдаты устанавливали перемирие с противником, отказывались подчиняться офицерам.

Окончательно разуверившись в действенности легальных средств борьбы, на путь подготовки дворцового переворота стал А. И. Гучков. Идея устранения Николая II и возведения на престол его малолетнего сына нашла поддержку у видных представителей московской буржуазии. В возне вокруг «перемены власти» оказались замешанными некоторые великие князья и верхушка армии. Возможности для политического маневрирования режима все более сокращались. Некомпетентность правительственных лиц, проведенных на высокие посты, как тогда считали многие, «через переднюю Распутина», величаемого императрицей не иначе как «Другом», роняла авторитет царя даже у самых ярых монархистов. Самоизоляция верховной власти, выраженная в распутинщине, породила конфликт царской четы с царской фамилией, внешним проявлением которого стало убийство Г. Е. Распутина заговорщиками.

Таким образом, на третий год войны Николаю II и его одиозным министрам противостоял широкий оппозиционный фронт от социалистов до великих князей. Однако стремительное развитие событий в феврале 1917 г. оказалось неожиданным и для царского правительства, и для фрондирующих верхов общества, и для либералов, и для революционеров.

В феврале 1917 г. в Петрограде, где сложилась критическая ситуация с продовольствием, резко обострилась обстановка. 23 февраля, в Международный женский день, в городе прошли стихийные митинги и демонстрации. 25 февраля выступления переросли во всеобщую политическую стачку, парализовавшую город. 27 февраля к революционным массам присоединились солдаты резервных частей, расквартированные в Петрограде. Стачка переросла в вооруженное восстание.

27 февраля председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко объявил о создании Временного комитета Государственной думы, который намеревался взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. В тот же день был создан Петроградский совет рабочих депутатов и его временный исполком в составе 15 человек (6 меньшевиков, 2 эсера, 2 большевика и 5 внефракционных социал-демократов). Председателем Совета был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, его заместителями — трудовик А. Ф. Керенский и

меньшевик М. И. Скобелев. 1 марта Петроградский совет был преобразован в Совет рабочих и солдатских депутатов.

1 марта Совет издал «Приказ № 1», согласно которому солдатам вне службы давались равные со всеми гражданские и политические права. В частях создавались выборные солдатские комитеты, без согласия которых не могли отдаваться приказы, и офицерам не выдавалось оружие. Провозглашалось, что решения Думы подлежат исполнению только в том случае, если они не противоречат решениям Совета. В воинском уставе аннулировалось все, что можно было счесть злоупотреблением властью.

Днём 2 марта в результате переговоров представителей Петросовета с думскими лидерами было создано Временное правительство, состав которого должен был сформировать Временный комитет Думы. В то время, когда в Петрограде формировалась новая власть, российский император находился в Ставке в Могилеве. Его попытка вернуться в Петроград оказалась безуспешной. Задержанный на станции Дно восставшими солдатами, Николай II подписал 2 марта отречение от престола в пользу брата Михаила. В свою очередь Михаил Романов 3 марта также подписал акт об отречении, в котором говорилось о его согласии принять корону только в том случае, если таковым будет решение Учредительного собрания.

Соглашение о предоставлении Учредительному собранию права избрать форму государственного правления было достигнуто в ходе переговоров Петросовета и Временного комитета Думы. 3 марта была опубликована декларация о составе и программе Временного правительства. В него вошли: кн. Г. Е. Львов — министр-председатель и министр внутренних дел; П. Н. Милюков — министр иностранных дел; А. И. Гучков — военный и морской министр; А. Ф. Керенский — министр юстиции; А. И. Коновалов — министр торговли и промышленности; Н. В. Некрасов — министр путей сообщения; А. А. Мануйлов — министр народного просвещения; А. И. Шингарев — министр земледелия; М. И. Терещенко — министр финансов; И. В. Годнев — государственный контролер; В. Н. Львов — обер-прокурор Синода; Ф. И. Родичев — министр по делам Финляндии.

По партийной принадлежности большинство министров представляли «Прогрессивный блок», т. е. партии кадетов и октябристов. Но реальные действия правительства были более левыми, так как оно подвергалось постоянному давлению со стороны Петроградского совета и революционно настроенных масс. В Декларации от 3 марта основными направлениями деятельности правительства были названы: амнистия лиц, преследовавшихся старым режимом, введение гражданских свобод независимо от сословий и национальности (включая военнослужащих); уничтожение полиции и введение народной милиции с выборным начальством, подчиненной не центральной власти, а местному самоуправ-

лению; перестройка местного самоуправления на демократических началах путем всеобщих выборов; подготовка выборов в Учредительное собрание.

6 марта правительство заявило о готовности вести вместе с союзниками войну до победного конца, сопровождая это целым рядом «революционных» фраз о стремлении к миру, о новом характере режима и борьбе за демократию. Правительство кн. Львова быстро получило признание государств-союзников. 9 марта об этом заявили Франция, Италия, Англия и Соединенные Штаты Америки.

Внутри страны большинство политических партий также заявило о своей поддержке правительства, признав за ним функции как законодательного, так и исполнительного органа власти. Государственная дума фактически ликвидировалась, а основные законы Российской империи признавались утратившими силу. Особое место в структуре органов власти занимал Петроградский совет. Не обладая формальной властью, он являлся реальной силой, так как пользовался поддержкой большинства петроградского гарнизона и населения города. Таким образом, в столице сложилось «двоевластие» Временного правительства и Петроградского совета. 6 марта начала работать контактная комиссия двух органов, в которой Совет контролировал «через консультации» принятие решений правительством. К апрелю в России действовало 513 различных советов — рабочих, солдатских, объединенных, крестьянских. Единой советской структуры не существовало, но имело место стремление к координации действий.

В 1917 г. в России действовало около 50 партий. Их можно классифицировать по четырем основным группам: правые, правоцентристские, левоцентристские, левые. Но необходимо учитывать, что после Февральской революции вся партийно-политическая структура сдвинулась влево.

В первые послефевральские месяцы правые партии сошли с политической сцены как влиятельная сила. Черносотенные, монархические партии оказались разрушенными как организационное целое. Лидеры правых октябристов (М. В. Родзянко), прогрессистов (П. П. Рябушинский), депутаты правых фракций Государственной думы не могли оказывать серьезного воздействия на происходившие в стране события.

Среди правоцентристских ведущей была партия кадетов, являвшаяся единственной массовой буржуазной партией в России (около 70 тыс. человек). В ее руководстве преобладала профессура, крупные предприниматели. Лидеры — П. Н. Милюков, Ф. Ф. Кокошкин, В. Д. Набоков — выдвигали идею длительной эволюции страны по западному образцу на парламентской основе. В 1917 г. кадеты отказались от традиционной ориентации на конституционную монархию. Партия отстаивала ведение войны до победного конца, созыв Учредительного собрания, которое должно было решить важнейшие вопросы жизни страны. Кадеты выступали за создание правового государства, негативно относились к

самоопределению национальных окраин. Провозгласив тактику «левого блока», кадеты взяли курс на сотрудничество с социалистическими партиями.

Наличие мощных социалистических партий умеренной ориентации, составлявших левый центр политических сил, являлось отличительной чертой российской партийной системы. Наиболее влиятельными среди них были партии меньшевиков и эсеров. Меньшевики (около 200 тыс. к концу 1917 г., лидеры — Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, Ф. И. Дан; левого крыла — Ю. О. Мартов) и эсеры (от 400 до 800 тыс., лидеры — В. М. Чернов, А. Р. Гоц; левого крыла — М. А. Спиридонова) предусматривали построение социалистической модели общества. Однако они были убеждены в невозможности и гибельности социалистического преобразования России в условиях 1917 г., прежде всего из-за экономической и культурной отсталости страны. Меньшевики ориентировались на опыт западноевропейских буржуазных революций и II Интернационала. Эсеры, опиравшиеся на крестьянство, отстаивали идею «особого пути» России к социализму. Обе партии выступали за парламентскую республику «с реформами для рабочих и крестьян», в поддержку Временного правительства «с условием, чтобы оно выполняло соглашение с Советом», за двоевластие в форме контроля Советов над буржуазной властью. Лидеры партий соглашались с отсрочкой важнейших преобразований до Учредительного собрания. Не видя реальных путей выхода России из войны, меньшевики и эсеры заявили об отказе от захватнических целей в войне и выдвинули лозунг «революционного оборончества».

На левом фланге политических сил особое место заняла партия большевиков. Формально, до апреля 1917 г., большевики и меньшевики были фракциями единой партии — РСДРП, но фактически действовали самостоятельно. Весной—летом 1917 г. сохранялся примерный паритет численности обеих социал-демократических партий. Число большевиков к маю возросло до 100 тыс. человек, а к августу — до 200—240 тыс.

После февраля руководство большевиков не сразу выработало свою политическую линию. Только после возвращения 3 апреля лидера партии В. И. Ленина из эмиграции был провозглашен курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и установление диктатуры городского и сельского пролетариата. Первоначально предполагался мирный переход к социалистической революции, которая должна стать прологом мировой пролетарской революции.

Основными политическими лозунгами большевиков стали «Никакой поддержки Временному правительству» и «Вся власть Советам!», из которых большевики надеялись вытеснить умеренные социалистические партии. Существовавшие в стране демократические свободы позволяли большевикам открыто пропагандировать свои лозунги.

Экономическая часть их программы предусматривала конфискацию помещичьих земель, национализацию всех земель, введение контроля Советов за производством и распределением. Разрыв с международной и российской социал-демократией призван был подчеркнуть предлагавшееся Лениным изменение названия партии на коммунистическую и создание нового Интернационала. Кроме большевиков в оппозиции правительству находились анархисты, которые не признавали партийных структур, выступали за уничтожение всякой государственной власти, за неограниченную свободу личности. В 1917 г. анархистские организации действовали в 30 городах России. Наиболее авторитетным идеологом анархистского движения в России был П. А. Кропоткин. Единого центра и общих лидеров у движения не существовало. Деятельность анархистов была направлена на подталкивание масс к революционным выступлениям, нацеленным на уничтожение структуры власти.

Важнейшим фактором, влиявшим на развитие событий в России, являлась деятельность Временного правительства. После Февральской революции оно осуществило ряд демократических преобразований. Была проведена амнистия для политических заключённых, упразднена цензура, отменены ограничения, связанные с вероисповеданием и национальностью, принят закон о свободе собраний и союзов. «Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом».

Правительство упразднило репрессивные органы царского режима — полицию, жандармерию. Была проведена радикальная демократизация армии, в результате которой рычаги руководства стали переходить от офицеров к солдатским комитетам. Однако результатом армейских реформ, проведённых во время войны, стало резкое падение дисциплины и боеспособности частей.

Подводя итог законодательной деятельности первого Временного правительства, можно выделить три основных направления: ликвидация органов государственного аппарата царизма; создание новых органов государственной и общественной власти; демократизация всех сторон жизни российского общества.

Однако действия Временного правительства носили характер полумер. Это было обусловлено тем, что оно являлось лишь половиной власти; второй половиной был Петросовет. Кроме того, отсутствовал аппарат власти: старый государственный аппарат был разрушен как пережиток царизма, создание нового задерживалось, так как на всех уровнях возникло двоевластие, местные советы конкурировали с рождавшейся администрацией правительства. И наконец (а может быть, в первую очередь), Временное правительство соблюдало нормы, которые вскоре начнут называть пережитками прошлого — верность слову, союзникам, вера в демократию, в народ.

К началу 1917 г. стало нарастать разочарование широких масс в результатах Февральской революции и недоверие к Временному правительству. Связано это было прежде всего с ухудшением экономического положения. В Петрограде ощущалась острая нехватка жилья, продуктов питания, одежды, топлива и сырья. В целом дефицит был обусловлен снижением объема производства, развалом транспортной системы, а также трудностями, возникшими в сфере распределения. Железнодорожные и внутренние водные пути России не в состоянии были обеспечить одновременно и хозяйственные перевозки, и снабжение фронта. В связи с отсутствием на рынке промышленных товаров крестьяне отказывались принимать за зерно быстро обесценивавшиеся бумажные деньги. С обострением товарного дефицита увеличивался разрыв между заработной платой и возраставшей стоимостью жизни. Несмотря на значительное повышение в годы войны номинальной заработной платы — до 260 % к началу 1917 г. — реальная заработная плата снизилась по сравнению с довоенным уровнем почти на 1/3 вследствие огромного роста цен на предметы первой необходимости. Проблемы были практически во всех сферах — экономической, финансовой, административной, социальной, национальной. Но на первом плане с самого начала революции стоял вопрос о войне и мире. Здесь и Совет, и правительство попали в крайне сложное положение. Нужно было попытаться каким-либо образом найти компромисс между двумя решающими факторами: во-первых, нежеланием солдат продолжать войну и сопутствующим этому развалом армии; во-вторых, невозможностью заключить сепаратный мир, что сразу привело бы Россию к международной изоляции.

В ноте министра иностранных дел Милюкова, опубликованной 20 апреля, акцент с необходимости заключения мира был перенесен на продолжение войны. 20 апреля началась многотысячная вооруженная демонстрация солдат Петроградского гарнизона и рабочих с требованиями «Долой Милюкова», «Долой политику аннексий» и даже «Долой Временное правительство». К вечеру на улицах началась стрельба, были жертвы. В этих условиях командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов принял решение о защите Временного правительства и направил кавалерийские и артиллерийские части к Мариинскому дворцу. Кризис достиг высшей точки.

Найти выход из создавшейся ситуации мог только орган, обладавший влиянием на массы — Петроградский Совет, который и продемонстрировал свою реальную власть. Генералу Корнилову было сделано «внушительное представление», после которого он немедленно вернул войска в казармы и подал в отставку. 21 апреля Совет выпустил воззвание «Ко всем гражданам», в котором обратился к населению с призывом сохранять спокойствие, порядок и дисциплину. Рабочих он убеждал не брать с собой оружие на собрания и демонстрации, а солдат — без зова Исполнительного комитета Совета не выходить на улицу с оружием в

руках. Далее следовала фраза, на которую необходимо обратить внимание: «... только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами». Совет открыто продемонстрировал свою власть, и никто не пытался оспаривать этого.

После того как волнения в городе прекратились, появилась возможность начать поиск выхода из кризиса, вызванного нотой Милюкова. 21 апреля состоялось совместное заседание Временного правительства и Исполкома Петросовета, на котором правительство дало разъяснение ноты в духе требований масс и выступило с предложением создать коалиционное правительство. Совет признал разъяснения удовлетворительными и 1 мая принял решение о том, что социалисты войдут в правительство. Двое министров, связанных с непопулярной внешней и военной политикой Временного правительства — Милюков и Гучков, — подали в отставку.

5 мая был объявлен состав первого коалиционного Временного правительства, в котором умеренные социалистические партии получили 6 министерских постов. В него вошли: кн. Г. Е. Львов — министр-председатель и министр внутренних дел; М. И. Терещенко — министр иностранных дел; А. А. Шингарев — министр финансов; Н. В. Некрасов — министр путей сообщения; А. И. Коновалов — министр торговли и промышленности; Д. И. Шаховской — министр государственного призрения, В. Н. Львов — обер-прокурор Синода; А. А. Мануйлов — министр народного просвещения; И. В. Годнев — государственный контролер; А. Ф. Керенский — военный и морской министр; И. Г. Церетели — министр почт и телеграфа; М. И. Скобелев — министр труда; В. М. Чернов — министр земледелия; П. Н. Переверзев — министр юстиции; А. В. Пешехонов — министр продовольствия.

В декларации 5 мая, определившей основные направления деятельности нового правительства, приоритеты выглядели следующим образом:

по вопросу о мире — «... отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, Временное правительство открыто ставит своей целью достижение всеобщего мира — без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов... Временное правительство верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силой оружия на нас»;

по экономическим вопросам — «Временное правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов»;

по вопросу о земле — «Представляя Учредительному собранию решать вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные

работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба нуждающейся в нем страны».

Таким образом, создание коалиционного кабинета ликвидировало первый кризис Временного правительства, но отнюдь не его причины, заключавшиеся в неразрешенности важнейших жизненных проблем, неудовлетворенности масс ходом развития революции.

Вошедшие в состав коалиционного правительства умеренные социалисты отождествлялись в народном сознании с непопулярным курсом Временного правительства. Из всех основных политических групп в России только большевики остались «незапятнанными» сотрудничеством с ним. Это обстоятельство облегчало им создание оппозиции Временному правительству. На заседаниях Петроградского Совета, на бесконечных митингах и демонстрациях, на страницах партийной печати (у РСДРП (б) было более 50 газет и журналов, тиражом свыше 500 тыс. экземпляров) большевики пропагандировали свою радикальную программу, которая находила поддержку в стране. Их социальная база расширялась в силу объективных причин, усугублявшихся непоследовательной деятельностью правительства и Петросовета.

Нацеленные на мировую революцию, большевики делали то, чего не могли себе позволить другие партии, стремившиеся сохранить российское государство. Большевики обещали массам удовлетворение всех их требований, хотя прекрасно понимали, что эти требования пагубны для страны. Цель была одна — получить власть, а далее надежды возлагались на международный пролетариат. Результаты работы большевиков были налицо. В феврале в Петрограде было около 2 тыс. большевиков, в начале апреля — 16 тыс., а к концу июля численность партии достигла 32 тыс. человек. Росло и число сторонников леворадикального направления вне партии.

Ситуация резко обострилась в начале июня, когда Военная организация большевиков выступила с предложением провести во время заседания I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов массовую антивоенную и антиправительственную демонстрацию.

Съезд Советов проходил в Петрограде с 3 по 24 июня. Большинство делегатов представляло умеренные социалистические партии. Из 822 делегатов с правом решающего голоса 285 принадлежали к эсерам, 248 — меньшевикам, 105 — большевикам.

Съезд в специальной резолюции выразил поддержку Временному правительству, одоблив создание коалиции: «Передача всей власти только буржуазным элементам нанесла бы удар делу революции, а переход всей власти к Советам значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще служить ей...»

Обращает на себя внимание и реалистичность оценки положения в стране многими выступавшими. Так, министр продовольствия Пешехонов говорил: «...трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которых надо призвать к самому напряженному труду, ... к необходимым жертвам... Если нам удастся преодолеть эти психологические затруднения масс, повести их за собой, то мы разрешим наши проблемы».

В резолюции о войне отмечалось, что «до тех пор, пока усилия международной демократии не положат конец войне, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать боевой мощи нашей армии и ее способности к оборонительным и наступательным действиям».

Сложным был комплекс национальных проблем. Съезд подтвердил право наций на самоопределение вплоть до национального отделения. Но решение этого вопроса было отложено до Учредительного собрания. Вместе с тем указывалось, что немедленной задачей является децентрализация управления. Съезд признал за финским Сеймом всю полноту власти во внутренних делах и согласился с созданием временного украинского национального центра — Центральной Рады.

В последние дни работы съезда был избран ЦИК в составе 200 человек, исполнительным органом которого было бюро (50 человек). Председателем Президиума ЦИК стал Н. С. Чхеидзе. Решено было с крестьянским Советом совместные органы не создавать, но проводить консультации.

В дни работы съезда возник кризис. ЦК партии большевиков, поддержав свою Военную организацию, назначил на 10 июня мирную манифестацию с требованием передачи власти Советам и выражения недоверия Временному правительству.

Еще больше накалило обстановку в городе наступление русской армии на фронте 18 июня. Начавшись успехами на Галицийском фронте, оно быстро захлебнулось. Героизм отдельных частей, особенно 8-й армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Корнилова, не мог компенсировать несогласованность действий, развал армии.

Неудачи на фронте совпали по времени с очередным правительственным кризисом. Поводом для него стало соглашение, заключенное Керенским, Церетели и Терещенко от имени Временного правительства, с Украинской Центральной Радой, фактически предоставлявшее Украине автономию еще до решения Учредительного собрания.

В знак протеста министры-кадеты Мануйлов, Шингарев, Шаховской заявили о выходе из состава правительства. Еще ранее вышел из него Коновалов. ЦИК Совета решил не пополнять состав правительства, оставив 11 человек в каче-

стве политического кабинета, а вместо кадетов назначил для технической работы «управляющих министерствами».

Но министерский кризис отступил на второй план перед острой ситуацией. 3 июля началось одно из самых драматических событий революции. По призыву 1-го пулеметного полка под руководством Г. И. Петровского на улицы Петрограда вышли тысячи вооруженных солдат и рабочих, требующих перехода власти к Советам. Поступали многочисленные сообщения о стрельбе в отдельных районах города. Восставшие завладели Петропавловской крепостью, митинговали перед Мариинским и Таврическим дворцами.

Правительство и Совет призывали солдат не выходить на улицу. Когда стало ясно, что призыв не нашел отклика, командующий Петроградским военным округом генерал Половцев запретил проведение любых демонстраций и приказал войскам гарнизона восстановить порядок на улицах. Однако войска проигнорировали его приказ.

4 июля в Петроград прибыли кронштадтские моряки, которые направились ко дворцу Кшесинской, штабу партии большевиков, где перед ними выступил только что вернувшийся в Петроград Ленин. Положение Ленина, как и всего руководства партии большевиков, было очень сложным. ЦК не был инициатором выступления, хотя, вероятно, Военная организация приложила к нему руку. Теперь руководство партии оказалось перед выбором: или воспользоваться выступлением масс для захвата власти, или, учитывая неподготовленность выступления и возможность поражения, попытаться перевести манифестации в мирное русло. Отсюда и противоречивость поведения ЦК и Ленина.

Главная причина колебаний заключалась в неясности положения. Силы кронштадтцев были значительны, и они рвались в бой. Моряки вступили в беспорядочную перестрелку со снайперами. Решительно были настроены и рабочие Путиловского завода. Однако части гарнизона, участвовавшие в демонстрациях накануне, заняли выжидательную позицию. Сложно было оценить и отношение рядовых членов и сторонников партии большевиков к открытому выступлению без согласия Советов.

Все это говорило о целесообразности отступления. В середине дня 3 июля ЦК РСДРП (б) попытался остановить восставших. Но так как демонстрации продолжались, вечером руководство партии пересмотрело решение и открыто поддержало выступление. Военная организация вызвала подкрепление с фронта, выслала броневики для занятия ключевых объектов и мостов. ЦК решил поддержать движение масс и направить его в нужное русло.

Но 4 июля вступили в действие новые факторы. Пока большевики колебались, ЦИК, учитывая рост анархии и кровавые стычки на улицах Петрограда, обратился к фронтовым войскам с призывом восстановить порядок в городе. Кроме

того, сыграло роль и распространение заявлений о том, что большевики (и Ленин в частности) действуют в интересах Германии и на немецкие деньги. Представители полков были приглашены в генеральный штаб, где их ознакомили с обвинениями против Ленина. В ночь с 4 на 5 июля полки, ранее сохранявшие нейтралитет, направились защищать Совет и Временное правительство. Надо отметить, что кн. Львов лично обратился во все газеты с просьбой снять материалы с обвинениями против Ленина, предлагая сначала провести судебное расследование. Более того, министру юстиции Переверзеву, обвиненному в предоставлении документов, пришлось подать в отставку. Но остановить распространение информации было уже невозможно.

Большевики, попытавшись возглавить движение, потерпели поражение. 6 июля (на следующий день после разгрома редакции и типографии газеты «Правда») под угрозой штурма они покинули особняк Кшесинской, а 7 июля Временное правительство приняло решение об аресте и предании суду всех организаторов выступления. Все вооруженные группы расформировывались. На всех фронтах было запрещено распространение большевистских газет и проведение политических митингов. В зоне боевых действий восстанавливалась смертная казнь и вводились военно-революционные суды.

7 июля Керенский отдал распоряжение: «... приказываю арестовать всех лиц, ведущих агитацию словом и путём печати с призывами к насилию, свержению Временного правительства, дезорганизации армии и анархии в стране, а также лиц, агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства. Всех арестованных немедленно предать суду». Временно запрещались собрания на улицах. Гражданским лицам предписывалось немедленно сдать имеющееся на руках оружие. Военный министр и министр внутренних дел получили полномочия закрывать газеты, агитирующие за неповиновение властям или призывающие к насилию. Меры были достаточно жестокими, но необходимыми для борьбы с анархией, захлестнувшей страну. Ведь в ходе июльских событий в Петрограде погибло 56 человек и 650 было ранено. Расследование организации июльского выступления было возложено на Петроградскую прокуратуру, но часть обвиняемых, в том числе Ленин, Зиновьев, а также руководители Военной организации В. И. Невский и Н. И. Подвойский скрылись от суда. Каменев, Раскольников, а затем и Троцкий были арестованы, но через короткое время вышли на свободу.

Завершением выхода из июльского кризиса стало создание второго коалиционного правительства. Процесс его формирования длился почти месяц и завершился 24 июля. В состав правительства вошли: А. Ф. Керенский — министр-председатель, военный и морской министр (с 7 июля); Н. В. Некрасов — заместитель министра-председателя и министр финансов; М. И. Терещенко — министр иностранных дел; М. И. Скобелев — министр труда; А. В. Пешехонов —

министр продовольствия; И. Н. Ефремов — министр государственного призрения; С. Н. Прокопович — министр промышленности; Н. Д. Авксентьев — министр внутренних дел; А. С. Зарудный — министр юстиции; А. М. Никитин — министр почт и телеграфа; Ф. Ф. Кокошкин — государственный контролер; А. В. Карташев — обер-прокурор Синода; П. П. Юренев — министр путей сообщения; С. Ф. Ольденбург — министр просвещения; В. М. Чернов — министр земледелия.

В новом правительстве министры уже не являлись представителями соответствующих партий, и министры-социалисты не несли ответственности перед Советами. Правительство стало самостоятельной политической силой. Период двоевластия завершился.

Кабинет Керенского, балансируя между реформами и репрессиями, не мог существенно повлиять на ход событий и тем самым отдавал инициативу радикалам. Первыми к активным действиям перешли правые. К концу июля определилась и кандидатура на пост диктатора — генерал Лавр Корнилов. 8 июля 1917 г. Керенский назначил его командующим Юго-Западным фронтом, где Корнилов, подтверждая репутацию твердого и решительного человека, разрешил применять пулеметы и артиллерию против отступивших без приказа частей. 18 июля Керенский сместил Брусилова и назначил Корнилова Верховным главнокомандующим.

Керенский, поддерживаемый своим заместителем по военному министерству Б. В. Савинковым, решил, что армии нужна сильная личность. Но он, безусловно, не ожидал, что амбиции Корнилова не ограничатся армией. Уже на следующий день после назначения последний опубликовал телеграмму, в которой заявил, что он как главнокомандующий должен иметь полную свободу действий, без всяких предписаний сверху и быть ответственным только «перед собственной совестью и всем народом».

Начался период сложной политической игры, переговоров между Керенским и Корниловым. Они были нужны друг другу, но боялись друг друга и стремились использовать чужой авторитет и влияние в собственных интересах.

Усиливающаяся поляризация российского общества и слабость позиций Керенского отчетливо проявились во время Государственного совещания, проходившего в Москве 12—14 августа. Оно было задумано для того, чтобы ознакомить видных общественных деятелей России с серьезным положением в стране и получить с их стороны поддержку программы коалиционного правительства. В зале Большого театра собралось 2414 человек. Среди них были министры, верхушка генералитета, бывшие члены Государственной Думы четырех созывов, представители Советов, армейских комитетов, рабочих профсоюзов, а также промышленных кругов, интеллигенции, духовенства, национальных партий и движений. Выступления участников были яркими, эмоциональными, но как

выяснилось, направленными не на поиск компромиссов, а лишь на усиление собственной позиции. Особенно резки и активны были правые, которые откровенно перешли в наступление.

Л. Г. Корнилов: «Армии без тыла нет... Если принять решительные меры на фронте по оздоровлению армии и для поднятия ее боеспособности, то я полагаю, что разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть. Но в одном отношении фронт, как непосредственно стоящий перед лицом опасности, должен иметь преимущество. Если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт...» (в Москве и Петрограде в это время население получало паек — 3/4 фунта хлеба на человека в день).

И речи, произносимые на совещании, и восторженный прием, оказанный правыми генералу Корнилову в день его приезда, показали реальность угрозы правого переворота. Например, Ф. И. Родичев открыто заявлял, обращаясь к Корнилову: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает Вас».

Но надо отметить, что левые тоже продемонстрировали свои «козыри»: 12 августа рабочие большинства московских предприятий не вышли на работу, на улицах города проводились митинги. Закрылись рестораны и трактиры, перестали ходить трамваи. Москва погрузилась в темноту, так как бастовали рабочие газовых предприятий.

Правые организации, о которых говорилось выше, наметили план путча на 27 августа. В этот день, полугодовой юбилей революции, Временное правительство хотело провести массовые митинги с целью сбора денежных пожертвований. Организаторы путча предполагали, что за митингами могут последовать беспорядки, которые можно будет использовать в качестве предлога для введения военного положения, разгрома большевистских организаций, разгона Совета и установления военной диктатуры. Предполагалось использоватьдвигающиеся к Петрограду фронтовые части, еще не разложенные левой агитацией. Армейское командование могло надеяться и на поддержку премьер-министра Керенского. В это время шли переговоры между Корниловым и Керенским через Савинкова, инициативу в них проявил и В. Н. Львов (бывший обер-прокурор Синода).

Все сведения об этих переговорах очень противоречивы, и даже сегодня трудно достоверно определить, чем было августовское выступление генерала Корнилова — несостоявшимся соглашением с Керенским или заговором, сорванным тем же Керенским.

25 августа по распоряжению Корнилова генерал Крымов привел войска, назначенные к движению на Петроград, в боевую готовность и подготовил приказ, который должен был быть обнародован после вступления в столицу. Приведем

только некоторые положения этого документа. Петроградский военный округ с Кронштадтом и Финляндией объявлялся на осадном положении. Запрещались митинги, вводилась цензура и комендантский час. Виновные в нарушении этих правил подлежали расстрелу. 26 августа Крымов двинул войска к Петрограду. Судя по документам, Корнилов ожидал (согласно достигнутой договоренности), что Керенский объявит Петроград на военном положении, но тот поступил иначе. Арестовав Львова, он от своего и его имени провел беседу по телеграфу с Корниловым, в которой последний подтвердил свои военные приготовления. Керенский пообещал приехать в Ставку, а вместо этого собрал правительство, и предъявив Корнилову обвинение в государственном перевороте, добился принятия решения о его смещении. Главнокомандующим назначался начальник штаба генерал А. С. Лукомский.

Корнилов отказался сдать пост. Добавим, что и Лукомский отказался его принять. Очень характерна ответная телеграмма Лукомского Керенскому: «Остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно... Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым...» Войска продолжали двигаться на Петроград.

27 августа Керенский стал составлять план обороны города. Петроград был объявлен на военном положении, а Савинков назначен генерал-губернатором города. Вечером было обнародовано заявление Керенского, в котором он говорил об увольнении Корнилова.

Положение Керенского было действительно очень сложным. У него было два пути: первый — капитуляция перед Корниловым и признание торжества военной диктатуры с возможной реставрацией старого порядка; второй — открытая борьба против него с обязательной опорой на левый революционный фланг, включая и большевиков.

Правые силы сами подтолкнули ситуацию в стране к усилению позиций левых, особенно большевиков. Вспомним слова Корнилова о том, что Крымов «не задумывается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов». 27 августа Корнилов открыто заявил о намерении свергнуть Временное правительство, выдвинув против него и Совета абсурдные обвинения в действиях «в полном согласии с планами германского Генерального штаба».

Значительная часть генералитета поддержала Корнилова. Но исход борьбы решали не генералы, а рядовые. А их симпатии были на стороне демократических сил, которым удалось объединиться на период борьбы с диктатурой. Советы приняли резолюцию о полной поддержке премьер-министра.

28 августа ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком съезда Советов крестьянских депутатов (ЦИК и ИВСКД) создали чрезвычайный военный оборонительный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в

который вошли представители от эсеров, меньшевиков и большевиков, ЦИК и ИВСКД, Центрального Совета профсоюзов, Петроградского Совета и Международного совещания, петроградских районных советов. Комитет народной борьбы образовал военную и информационную секции и политический комиссариат. Специальное бюро для борьбы с войсками Корнилова создал и Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель). В рабочих районах были созданы отряды Красной Гвардии, на защиту революции в Петрограде прибыли кронштадтские матросы. Огромное превосходство левых сил над прокорниловскими элементами было очевидным. Что касается войск под командованием генерала Крымова, то они были остановлены благодаря позиции железнодорожников. А затем вступил в действие главный фактор 1917 г. — слово. Агитаторы левых быстро добились лояльности войск к правительству. Фактически в течение всего мятежа не было столкновений между частями Корнилова и правительственными войсками. 30 августа Крымову было предложено явиться в Петроград для переговоров с Керенским. Обвиненный в попытке совершить государственный переворот, он застрелился. По Петрограду даже ходила злая шутка, что единственный выстрел во время мятежа прозвучал, когда застрелился Крымов.

Ликвидация мятежа была бескровной. Керенский провозгласил себя главнокомандующим, начальником Генерального штаба стал генерал Алексеев, военным министром — генерал Верховский (бывший командующий Московским военным округом). Несколько самых активных заговорщиков, в том числе Корнилов и Деникин, были арестованы. Все остальные командующие фронтами поспешили заявить о своей лояльности к правительству. То же сделали многие лидеры политических партий, дипломатический корпус, общественные деятели, совсем недавно приветствовавшие Корнилова.

Сразу же после провала августовского путча была создана Чрезвычайная комиссия по его расследованию, которое должно было закончиться в сжатые сроки. Но еще быстрее менялась обстановка в стране.

Дело Корнилова и его соучастников, находившихся под арестом в быховской тюрьме, затягивалось. В правой прессе появились призывы освободить арестованных за отсутствием прямых улик по обвинению в мятеже. К середине октября комиссия закончила отчет, в котором была констатирована недоказанность обвинения Корнилова и его соратников в заговоре. Даже сейчас в «деле Корнилова» остается много неясного, недоговоренного.

Путч правых закончился их поражением. 1 сентября Россия была объявлена республикой. Но те проблемы, которые стояли перед страной, остались. В августе были ликвидированы последствия, а не причины. Более того, поражение корниловцев резко радикализовало часть солдатских и рабочих масс. Быстро

рос рейтинг большевиков. Правительство Керенского стояло теперь перед новой левозэкстремистской угрозой.

Мы уже говорили о том, что борьба против Корнилова укрепила авторитет большевиков в массах. Это было и логично, и справедливо. РСДРП (б) действительно сыграла большую роль в этот период. Но надо помнить, что борясь с правыми, партия преследовала прежде всего собственные цели. Ленин так оценивал ситуацию: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским... Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны... Но... говорить в агитации об этом надо поменьше».

25 сентября Керенский объявил состав IV Временного правительства, в которое вошли: А. Ф. Керенский — министр-председатель; А. И. Коновалов — зам. министра-председателя и министр торговли и промышленности; Н. П. Савин — товарищ министра торговли и промышленности (с возложением обязанностей управления министерством при общем руководстве Коновалова); М. И. Терещенко — министр иностранных дел; М. В. Бернацкий — министр финансов; К. А. Гвоздев — министр труда; А. В. Ливеровский — министр путей сообщения; П. Н. Малянтович — министр юстиции; Н. М. Кишкин — министр государственного призрения; С. А. Смирнов — государственный контролер; С. Н. Третьяков — председатель Экономического совета при правительстве (в ранге министра); А. И. Верховский — военный министр; Д. Н. Вердеревский — морской министр; А. М. Никитин — министр внутренних дел и министр почт и телеграфов.

27 сентября была опубликована Декларация нового правительства, в которой подчеркивалось, что его главной задачей является довести страну до Учредительного собрания и не допустить анархии в стране и в армии.

Из всех политических партий не поддержали новое правительство только большевики, которые к этому времени получили преобладание в Советах. К концу сентября и Московский и Петроградский Советы контролировались партией большевиков. Более того, Л. Д. Троцкий возглавил ИК Петроградского Совета.

Формирование и функционирование тоталитарной системы в СССР (конец 1920-1939 гг.)

Стратегия форсированного экономического развития, административно-командные методы управления народным хозяйством, тотальное планирование, расширение сферы принудительного труда способствовали ужесточению политического режима в Советском Союзе. Отождествление государственной формы собственности с социалистической, отношение ко всем остальным формам

как второстепенным создало прочную экономическую базу уже существующему аппарату управления. Органы власти представляли собой единую бюрократическую систему, построенную по иерархическому принципу. Партийный аппарат подчинил себе государственный, практически слился с ним. В условиях строгой централизации реальная власть концентрировалась в руках узкой группы лиц.

Почему же в СССР возникла такая политическая система, при которой сворачивается демократия, насилие становится нормой жизни, возникает культ власти и личности, олицетворяющий власть? Безусловно, весьма большое значение имели личные качества руководителя правящей партии Сталина — умелая демагогия, использование революционной фразы, партийного аппарата, нетерпимость к альтернативным точкам зрения. Этот перечень можно продолжать. Однако сводить все только к личности Сталина было бы неверно. Попробуем выделить другие причины, имеющие первостепенное значение.

Во-первых, административно-командная модель управления прямо вытекала из представлений о социализме как общественном строе, который не развивается стихийно, который нужно строить. А для этого необходима жесткая централизация. Во-вторых, негативную роль сыграл низкий культурный уровень народных масс, рядовых коммунистов и большинства руководящих партийных и советских работников. В 1917 г. 75 % населения страны были неграмотны, а в начале 40-х гг. 70 % секретарей райкомов и горкомов ВКП (б) имели только начальное образование. В-третьих, в стране практически отсутствовали демократические традиции. На политическое мышление наложила отпечаток длительная, ожесточенная гражданская война. Утвердился дух непримиримости и нетерпимости ко всякому инакомыслию. В-четвертых, не существовало достаточно надежного механизма демократического контроля общества за деятельностью аппарата власти. В-пятых, сама правящая партия была пронизана бюрократизмом. Даже лидеры различных оппозиций, выступая против свертывания демократии в партии, не затрагивали главного принципа — подавления свободы в обществе во имя укрепления власти. А партийные «низы» превратились в статистов, не оказывающих реального влияния на руководство.

В процессе образования и становления административно-командная система опиралась на различные слои общества. Первоначально главной опорой власти стали наименее обеспеченные в материальном отношении, не имевшие политической культуры слои рабочего класса и крестьянства, а также часть интеллигенции, критически относившаяся к буржуазному строю. Простые, понятные лозунги Октябрьской революции, надежда на быстрое улучшение своего положения привлекли на сторону большевиков народные массы. Постепенно, в процессе отказа от идеалов Октября, изменилась и социальная база новой власти. Все больший вес приобретала партийно-государственная бюрократия, аппарат

армии и «правоохранительных» органов. Для сохранения поддержки среди рабочих и крестьян широко использовалась социальная демагогия, пропаганда идеи «светлого будущего».

С течением времени произвол и тирания в политической системе советского общества усиливались. К концу 30-х гг. самовластие вождя и культ личности приняли совершенно уродливые формы, диктатура одного человека стала реальностью. В общественном сознании вождь выступал не как политический деятель, а воспринимался как полубог, обладающий сверхчеловеческими свойствами и сверхчеловеческой мудростью.

Достаточно открыть любую газетную страницу того времени, вспомнить идеи, господствовавшие в массах, чтобы убедиться в неограниченности власти Сталина, в невозможности оспорить его решения. В день 50-летия вождя, 21 декабря 1929 г., все советские газеты были заполнены панегириками в его честь. «Правда» на протяжении 5 дней публиковала списки организаций, пославших ему свои поздравления. В изданной к юбилею официальной биографии Сталин был назван «самым верным учеником Ленина» и «выдающимся продолжателем» его дела.

Даже бывшие члены оппозиции присоединились к общему хору славословий. На XVII съезде ВКП (б) в 1934 г. («съезде победителей») Бухарин назвал Сталина «полководцем пролетарских сил», «лучшим из лучших». Каменев заявил, что современная эпоха войдет в историю как эра Сталина, подобно тому, как предшествующая была эрой Ленина.

Американский писатель Джон Стейнбек так описывает впечатления от посещения Советского Союза: «Во многих речах, которые нам пришлось выслушать в России, ораторы вдруг приводили цитату из Сталина в качестве окончательного доказательства справедливости своей мысли... В России слово Сталина — истина в последней инстанции, и что бы он ни сказал, никто не возразит. И это непреложный факт, чем бы ни пытались это объяснить — пропагандой, воспитанием, постоянным напоминанием, повсюду присутствующей иконографией. Ощутить это в полной мере можно, когда услышишь, как слышали мы много раз: «Сталин никогда не ошибался. За всю жизнь он не ошибался ни разу». И человек, который говорит такое, преподносит это не как аргумент, — это неопровержимо, он говорит это как абсолютную истину вне всяких аргументов». Как же удалось повернуть сознание многих людей таким образом, так извратить нравственные ценности, что тирания представлялась им высшей формой гуманизма, а тиран — гением всех времен и вождем всех народов?

Для этого были задействованы принципы, используемые всеми диктатурами, независимо от того, какими одеждами они прикрываются и в какой части земного шара возникают. Для реализации этих принципов было необходимо: монополизировать аппарат пропаганды: не допускать открытого высказывания

альтернативных точек зрения; не давать возможности сравнивать жизнь внутри страны с уровнем жизни остального мира, т. е. воздвигнуть «железный занавес» на границах; приписывать все успехи существующей власти, а все неудачи объяснять происками ее внешних и внутренних противников; подвергнуть регламентации все сферы культуры, переписать историю ради создания образа мудрого вождя; заставить как можно большее число людей повторять официальную ложь, т. е. превратить граждан в соучастников режима; создать новых кумиров, не имеющих ничего общего с гуманизмом, а значит, отвергнуть общечеловеческие ценности.

Мощный идеологический аппарат, воздействующий практически на все общество, оказал значительное влияние на людей, многие из которых искренне верили в правильность навязанного им пути развития, пропагандируемых нравственных ценностей. Но ни один из тоталитарных режимов не может основываться лишь на вере. В действие обязательно вводится еще один элемент — страх. Террор, направленный против народа, стал одной из важнейших составных частей государственной политики. ГУЛАГ, НКВД, «враги народа» — без них сталинский режим просто не смог бы существовать.

Установление необъятной личной власти привело к резкому свертыванию даже тех элементов демократии, которые существовали в начале 20-х гг. Апрельский 1929 г. Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) и XVI партийная конференция провозгласили курс на очищение партии от не соблюдающих «классовую линию». В результате чистки из ВКП (б) было исключено более 11 % коммунистов. Новые партийные кадры, прежде всего рабочие, беднейшие крестьяне в силу низкого культурного уровня были предрасположены к административному проведению в жизнь директив высшего партийного руководства. В 1928 г. была прекращена рассылка на места стенограмм пленумов ЦК, планов работы Политбюро и Оргбюро; в 1929 г. — издание информационного журнала «Известия» ЦК ВКП (б). Реже стали созываться съезды, конференции, пленумы партии. Партийные «верхи» становились практически не контролируемые снизу.

В 1933 г. началась новая масштабная чистка ВКП (б), в ходе которой из партии было исключено 18 % коммунистов. Длившаяся около полутора лет, она была призвана ликвидировать возможность оппозиционных настроений в рядах правящей партии. XVII партийный съезд продемонстрировал прочность сталинских позиций и отсутствие реальной оппозиции. На съезде был сделан еще один шаг к бесконтрольности партийной верхушки. ЦКК-РКИ, правомочная контролировать партийно-государственные органы всех ступеней, была преобразована в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б) и Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, т. е. в органы, не контролируемые ЦК и Совнаркомом, а им подчиненные.

Резкое усиление внутрипартийного централизма было связано с убийством С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Это трагическое событие было использовано Сталиным как повод для ужесточения режима. ЦК разослал всем партийным организациям закрытое письмо «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова»; в нем говорилось о заговоре троцкистов и зиновьевцев, которых необходимо разоблачать и изгонять из рядов ВКП (б).

В 1935 г. началась кампания по проверке партбилетов. Летом была создана сеть областных отделов Главного управления кадров ЦК ВКП (б), возглавляемого Н. И. Ежовым. Проверка охватила 81 % членов партии, из которых 9 % были исключены. Проверкой партдокументов занимались не только партийные организации, но и НКВД. Всех исключенных из партии брали на учет и организовывали за ними агентурное наблюдение.

К этому времени юридическая основа для репрессивной политики уже была подготовлена. 1 декабря 1934 г. вышло постановление Президиума ЦИК «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов», принятое в течение нескольких часов после получения известия об убийстве С. М. Кирова. Сроки следствия ограничивались 10-ю днями. Участие защитников исключалось, приговоры не подлежали обжалованию, смертные приговоры приводились в исполнение немедленно. С 1935 г. была официально установлена уголовная ответственность (вплоть до смертной казни) в отношении детей начиная с 12 лет. В марте 1935 г. вступил в действие закон о наказании членов семей изменников Родины.

В 1934 г. была проведена централизация карательных органов. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР, в котором сосредоточились органы госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска, исправительно-трудовые лагеря и огромные стройки, рудники, лесоразработки, где трудились заключенные. В связи с реформированием НКВД в 1934 г. был образован ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения. По состоянию на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ включал 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний и 50 колоний для несовершеннолетних. В местах заключения находилось 1 668 200 человек. Военизированная охрана насчитывала около 107 тыс. человек.

Удельный вес осужденных за контрреволюционные преступления (т. е. по статье 58 УК РСФСР) в 1940 г. составлял 33,1 %. Всего же, по данным КГБ, с 1930 по 1953 гг. по 58-й статье было осуждено 3 778 234 человека, из них расстреляно — 786 098.

Для обоснования необходимости репрессий все шире стал использоваться тезис об обострении классовой борьбы, выдвинутый Сталиным еще в середине 20-х гг., но получивший особое значение в 30-е. Суть его заключалась в том, что по мере строительства социализма враждебные классы, чувствуя неизбежность

своего поражения и ненавядя побеждающих рабочих, усиливают вредительскую деятельность, прибегают к тактике террора. Апофеозом «великого террора» стал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) 1937 г. Шпионы и вредители, заявил Сталин, проникли во все или почти во все организации — как хозяйственные, так и административные и партийные, причем не только на низовые должности, но и на ответственные посты. По мнению Сталина, многие вредители — это люди с партийным билетом, и их опасность состоит именно в обладании этим билетом. Сталин высказал мысль, что «настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе». С точки зрения Молотова, какого бы высокого звания и должности ни был человек, если он не способен заметить вредителей, работающих у него под носом, он не руководитель.

В 1937 г. Сталин от имени ЦК ВКП (б) дал органам НКВД указание применять к арестованным «физические меры», т. е. разрешил бить и пытаться обвиняемых. Два года спустя, в 1939 г., в новой телеграмме, направленной уже не только в органы внутренних дел, но и в ЦК союзных республик, обкомы и крайкомы партии, вождь потребовал обязательного применения подобных мер «как совершенно правильного и целесообразного метода».

Жестокость стала нормой общественной жизни. Репрессии нужны были Сталину по разным причинам. Они позволяли списывать на «вредителей» и «врагов народа» просчеты в экономической и социальной политике; давали множество рабочих, на которых не распространялись ни социальные программы, ни трудовое законодательство; создавали атмосферу страха, подавляющего попытки к сопротивлению; уничтожали политических противников Сталина, укрепляли его личную власть в аппарате партии и государства.

Репрессии приняли настолько массовый характер, что судебная система была не в состоянии справиться с увеличивающимся потоком обвиняемых. Поэтому значительная часть граждан была подвергнута наказанию на основании решений внесудебных органов — Особого совещания, «троек», «двоек».

Однако в некоторых случаях, когда речь шла о крупнейших деятелях партии и советского государства, Сталин считал необходимым организовывать открытые процессы, на которых следовало публично доказывать виновность в якобы совершенных преступлениях. Начало было положено «Шахтинским делом» (1928), процессами «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков» (1930—1931). Но наибольший общественный резонанс получили процессы конца 30-х гг.

В августе 1936 г. был организован первый московский процесс над лидерами бывшей оппозиции. По делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» прошло 16 человек, среди которых были Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Всем обвиняемым был вынесен смертный приговор. В январе

1937 г. состоялся второй показательный процесс по делу «Параллельного анти-советского троцкистского центра»; среди 17 осужденных были Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек. В марте 1938 г. из 21 обвиняемого по делу «Анти-советского правотроцкистского блока» были преданы суду Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода.

Обвиняемые признавались в самых фантастических злодеяниях: шпионаже и заговорах с целью убийства Сталина и других членов правительства, продаже империалистическим государствам различных частей Советского Союза, убийствах и отравлениях целых деревень, промышленном саботаже, вредительстве и организации голода в стране. С помощью пыток, морального террора, угроз в адрес семей подследственных добиться от них признаний не составляло труда. Почти все подсудимые были приговорены к смертной казни с исполнением сразу же после процессов. В годы перестройки, в ходе реабилитации жертв сталинского террора они были оправданы Верховным Судом СССР за отсутствием состава преступления, а процессы признаны фальсифицированными. Реабилитация абсолютно справедлива. Но нельзя представлять этих людей героями, борцами против тоталитаризма. Жертвы и палачи были людьми одной формации, одного мировоззрения. Погибшие сами были активными строителями того режима, который в конечном итоге был использован Сталиным для расправы над «старыми коммунистами». Это было время палачей и жертв, причем они часто менялись местами.

В июне 1937 г. было сообщено о том, что секретное заседание военного трибунала вынесло смертные приговоры обвиненным в шпионаже и предательстве военачальникам. Среди них были заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский, крупные военные руководители И. Э. Якир, Р. П. Эйдеман, В. К. Путна, А. И. Корк. За два последующих года, по данным генерала А. И. Тодорского, в армии было репрессировано: из 5 маршалов Советского Союза — 3; из 2 армейских комиссаров 1 ранга — 2; из 4 командармов 1 ранга — 2; из 12 командармов 2 ранга — 12; из 2 флагманов флота 1 ранга — 2; из 15 армейских комиссаров 2 ранга — 15; из 67 комкоров — 60; из 28 корпусных комиссаров — 25; из 199 комдивов — 136; из 397 комбригов — 221; из 36 бригадных комиссаров — 34.

Репрессиям подвергались высшие партийные, государственные, хозяйственные руководители. Из центра во все регионы страны направлялись уполномоченные для проведения чистки, уничтожения национальной элиты в республиках. Одновременно «чистились» и центральные органы власти. Были репрессированы члены Политбюро С. В. Косиор, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, Р. И. Эйхе. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б) были арестованы 98, из 1966 делегатов XVII съезда компартии — 1108.

Дальнейшее усиление репрессивной политики могло привести к полной дезорганизации структуры власти. В январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП (б) принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». Репрессии не прекращались, без них сталинский режим не мог существовать. Они перестали быть неконтролируемыми, «чрезвычайными», приняли плановый характер. А виновными в очередных «перегибах» стали местные власти и непосредственные исполнители — органы НКВД, имевшие слишком большую самостоятельность в период «большого террора». Два наркома внутренних дел — Г. Г. Ягода, занимавший этот пост в 1934—1936 гг., и Н. И. Ежов (1936—1938) были арестованы и расстреляны. В ноябре 1938 г. НКВД возглавил Л. П. Берия.

Цели, поставленные Сталиным, были достигнуты. Партийные комитеты и карательные органы подчинили тотальному контролю все общество. Советы осуществляли лишь второстепенные хозяйственные и организаторские функции. Партия и другие институты политической системы превратились в послушные инструменты вождя. Этому утверждению как будто противоречит принятие Конституции СССР 1936 г., в которой провозглашалось расширение демократических свобод. Однако конституционные нормы имели чисто номинальный характер, не оказывая влияния на повседневную жизнь.

В СССР к концу 30-х гг. сложилась целостная общественная система — «социализм». В Конституции было записано, что СССР «есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Советское общество 30-х гг., построенное под руководством коммунистической партии во главе со Сталиным, явилось закономерным результатом реализации идей Ленина о бестоварном социализме, осуществляемом через революцию и диктатуру пролетариата. Упразднение рыночных отношений, отрицание демократии могло привести лишь к тому варианту построения общества, который и стал советской реальностью — тоталитарному режиму. Советский общественный строй характеризовался полным контролем государства над всеми сферами жизни, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод, репрессиями в отношении абсолютного большинства граждан.

Социально-экономическое развитие в СССР в конце 1920-1939 гг.

Перед руководством страны стоял вопрос о выборе направления дальнейшего развития. Индустриальный рост был необходим, но достигнуть его можно было разными путями. Первый — с помощью метода новой экономической политики при устранении сдерживающих факторов — диктата центра, засилья бюрократического аппарата. Второй путь — через возвращение к методам «военного коммунизма», основанным на принуждении.

Право на выбор вариантов индустриализации имела только коммунистическая партия, обладавшая политической властью и контролем над ключевыми финансово-экономическими механизмами. Жизнь всего общества зависела от взглядов и позиций партийных вождей, от соотношения сил внутри Политбюро и ЦК ВКП (б). Внутри этого узкого круга и определялся выбор курса.

Первоначально в развернутом виде была выдвинута и обоснована стратегия, рассчитанная на использование методов нэпа. Согласно директивам состоявшегося в 1927 г. XV съезда партии Госплан СССР разработал первый пятилетний план. В основу была положена идея сочетания в ходе социалистической индустриализации нескольких важнейших взаимосвязанных целей. Во-первых, индустриальной реконструкции экономики; во-вторых, увеличения удельного веса социалистического сектора экономики; в-третьих, повышения жизненного уровня и культуры народа. Подчеркивалась необходимость одновременного движения к этим целям, их сбалансированность. Учитывая, что некоторые экономические параметры не поддавались точному прогнозу, было подготовлено два варианта плана — отправной (минимальный) и оптимальный (максимальный), показатели которого были больше почти на 20 %.

Госплан подготовил к XVI партконференции, проходившей в апреле 1929 г., оба варианта. Но ЦК ВКП (б) к этому времени уже решил принимать во внимание только максимальный, который и был утвержден V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г. Первая пятилетка охватывала период с октября 1928 г. по сентябрь 1933 г., т. е. в момент утверждения план уже действовал. Предусматривалось, что за пять лет выпуск промышленной продукции увеличится на 180 %, средств производства — на 230 %, сельскохозяйственной продукции — на 55 %, национальный доход вырастет на 103 %. Реальная зарплата должна была повыситься на 71 %, доходы крестьян — на 67 %, производительность труда в промышленности — на 110 %.

На XVI партконференции признавалось, что осуществление плана будет сопровождаться «преодолением огромных трудностей внутреннего и внешнего порядка», вытекающих в первую очередь из «напряженности самого плана». Но не говорилось, что какие-либо отрасли должны быть принесены в жертву другим.

Однако уже во второй половине 1929 г. план был полностью изменен. Последовал ряд постановлений ЦК ВКП (б), СНК и ЦИК СССР, требующих повышения показателей по производству многих видов продукции. План с этого момента перестал быть тем, чем он был в замыслах нэповских лет, т. е. инструментом сознательного управления экономикой, сохраняющей собственные законы и механизмы функционирования. Он становился выражением убеждения в допустимости ломки экономических законов. Отныне экономике страны надлежало

идти «большевистскими темпами», цели должны были быть достигнуты во что бы то ни стало.

Был провозглашен лозунг «Пятилетку — в четыре года!», который сопровождался нарастающим раздуванием экономических показателей. За первый год пятилетки промышленное производство выросло почти на 20 %, т. е. хотя и несколько менее предусмотренного планом (21,4 %), но весьма значительно. На XVI съезде ВКП (б) в июне—июле 1930 г. Сталин потребовал выполнения плана по целому ряду отраслей промышленности «в три и даже в два с половиной года». Но уже во второй половине 1930 г. можно было видеть, что темпы роста не увеличивались. Объем производства за год повысился не на 32 %, как было запланировано, а на 22 % (по данным официальной статистики). Тем не менее, Сталин заявил, что в следующем году необходимо увеличить выпуск промышленной продукции на 45 %.

Координация между отраслями народного хозяйства, согласованность целей пятилетки при таком методе проведения индустриализация соблюдаться не могла. Для сверхбыстрых «большевистских» темпов не хватало средств. Финансовые источники, предусмотренные первым пятилетним планом, понадобилось дополнять новыми. Проблема накопления стала не предметом теоретических споров или политических столкновений, а практической потребностью. За исключением нескольких краткосрочных займов существенной помощи из-за границы не поступило. Рассчитывать можно было только на внутренние резервы.

Главным источником пополнения ресурсов были прямые и косвенные налоги. В 1930 г., когда этих поступлений стало не хватать, первостепенное значение приобретает налог с оборота, начисляемый на цену всех товаров в розничной торговле. Начиная с 1931 г. был взят курс на значительное повышение цен на все потребительские нормы. Важным источником были займы, размещаемые среди населения. Их выпуск начался в 1926 г. По мере того, как потребности накопления становились все настоятельнее, займы сделались практически обязательными. Строго выдерживалась линия на «замораживание» заработной платы при увеличении норм выработки.

Политическое руководство страны в своей экономической стратегии исходило из убеждения, что равномерное движение по всем главным целям пятилетки практически нереально. Все внимание сосредотачивалось на развитии промышленности. Сталинская стратегия строилась на убеждении, что преодоления экономической отсталости следует добиваться ценой любых социально-экономических, политических, нравственных издержек. Ради поддержания высоких темпов индустриализации предлагалось сокращение фонда потребления и жесточайшая экономия средств, определяющих жизненный уровень народных масс.

С этой же целью считалось необходимым и возможным допустить «товарный голод» (т. е. недостаток потребительских товаров), не вполне сбалансированный бюджет, инфляционный рост цен. Стратегия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей серьезных жертв и призывала трудящихся сознательно идти на них. Карточная система нормированного снабжения хлебом, введенная в конце 1928 г., была распространена на все города без исключения и дополнена карточками на основные продовольственные и промышленные товары. Только в 1935 г. карточки были отменены при одновременном резком повышении государственных розничных цен.

Сталинский вариант строился не только в расчете на добровольные и сознательные усилия народа. Суровая необходимость оправдывала в глазах защитников этого варианта применение принудительных, насильственных мер там, где энтузиазма оказывалось недостаточно. «Репрессии в области социалистического строительства, — признавал Сталин, — являются необходимым элементом наступления». Принятое в ноябре 1932 г. постановление ЦИК и СНК СССР предусматривало, что за один прогул без уважительной причины рабочего немедленно увольняли с предприятия, лишали карточек и выселяли из заводской квартиры.

Мерами внутренней экономики можно было увеличить приток в казну рублей, переставших быть конвертируемыми. Но государству нужна была валюта для закупки за границей современного оборудования, произвести которое на отсталых машиностроительных заводах внутри страны было невозможно. Товарами, которыми СССР оплачивал свой импорт, были главным образом хлеб, лес, нефть, меха. Если исключить последние, речь шла о товарах, в которых страна сама испытывала острую нужду (в особенности это относилось к хлебу). За границу вывозились не излишки, а тот хлеб, который был нужен населению страны.

Для оплаты зарубежных закупок применялись даже такие меры, как конфискация золота у частных лиц, продажа художественных произведений из музеев. Но и при этом план по импорту был выполнен менее чем наполовину. В то же время экспортный план был перевыполнен (105 %). Практически ввозились только машины и оборудование (в 1931 г. — 93 % всех закупок) при отказе от всего остального, каким бы необходимым оно ни являлось.

Закономерным продолжением курса на максимальные темпы промышленного развития стало преобразование методов управления экономикой. В сталинском варианте основное место заняли административные формы управления народным хозяйством. Упор делался на директиву, приказ, выполняемый любой ценой. Отказ от планирования, использующего рыночный механизм, и потому признающего «относительность» плановых предложений, переход к централи-

зованному, жестко директивному планированию составляет итог стратегии быстрой индустриализации.

До конца 20-х гг. управление экономикой строилось не по отраслевому, а по территориально-производственному принципу. Вся территория СССР была разделена на 16 экономических районов, промышленностью в каждом из них управлял Совет народного хозяйства. Кроме того, существовала целая система трестов и синдикатов, организовывавших сбыт продукции и снабжение сырьем. В начале 30-х гг. тресты фактически прекратили существование, а синдикаты, преобразованные в главки, взяли на себя функции жесткого регулирования деятельности предприятий. Совнархозы были упразднены, вводилась отраслевая структура. ВСНХ, объединявший все отрасли промышленности, с 1932 г. начал дробиться на все возрастающее число наркоматов. Из различных форм кооперации осталась только потребительская, работавшая строго по плану. Из всех отраслей был вытеснен частник, аннулировались концессии, ликвидировался валютный рынок, началась бесконтрольная эмиссия денег. За четыре года, с 1 января 1929 г. по 1 января 1933 г., находящаяся в обращении денежная масса увеличилась в четыре раза.

В конце 1932 г. пятилетка, начавшаяся 1 октября 1928 г., была объявлена завершенной. В докладе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 г. Сталин заявил о досрочном выполнении первого пятилетнего плана за 4 года и 3 месяца. Оценка подлинных результатов, достигнутых к концу 1932 г., позволяет сделать вывод о том, что на самом деле пятилетка не была выполнена по большинству позиций. Даже по данным официальной статистики национальный доход вырос на 59 % против 130 % по плану, а производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 14 % вместо запланированного 55 % повышения.

Если же обратиться не к процентному выражению, а к количественному, то в главных отраслях промышленности реальные показатели оказались далеки не только от увеличенных заданий 1930—1931 гг., но и от первоначальных цифр пятилетнего плана. Так, чугуна и стали было выплавлено 6 млн тонн (планировалось 17 млн тонн), угля добыто 65 млн тонн вместо намеченных 75, выработка электроэнергии составила 13,5 млрд. кВт · ч вместо 22 по плану и т. д. Эти результаты были получены при гораздо более высоких расходах, чем было предусмотрено. Капиталовложения в промышленность составили 23,3 млрд рублей вместо 16,4, ассигнованных вначале.

Легкая промышленность была принесена в жертву индустриализации. Коллективизированное сельское хозяйство снизило основные показатели. Реальная зарплата и доходы населения уменьшились.

Конечно, несмотря на все трудности и проблемы, экономика СССР в годы первой пятилетки развивалась. Темпы роста были ниже предусмотренных, то все-

таки очень высоки. Было построено или реконструировано 1,5 тыс. крупных предприятий. Станочный парк в промышленности обновился более чем наполовину. Магнитогорск, Кузнецк, Днепрогэс — все это было в годы пятилетки. Однако цена индустриального рывка оказалась крайне высокой, потребовалось не только перенапряжение сил, но и жертвы со стороны всего населения страны.

Административно-командная система управления была распространена в годы первой пятилетки и на аграрный сектор. Отказавшись от методов нэпа, государство приступило к принудительному изъятию зерна у крестьян.

С осени 1928 г. государственные заготовки превратились из добровольных (объем которых регулировался экономическими рычагами) во внеэкономическое изъятие произведенного продукта. За сокрытие хлебных излишков кулаков и часть середняков привлекли к суду, хлеб конфисковали, причем одну четверть его отдали деревенской бедноте. Возрождался общинный принцип круговой поруки — крестьянам самим предоставлялось право распределять хлебозаготовки между отдельными хозяйствами. При этом заготовительные цены на зерно оставались на уровне середины 20-х гг., а цены на промышленную продукцию выросли.

Такие меры, как волевое вмешательство в систему ценообразования, запрещение продажи машин и сельскохозяйственных орудий индивидуальным крестьянским хозяйствам, ограничение деятельности снабженческо-сбытовых кооперативов объявлялись временными, направленными на ликвидацию хлебозаготовительного кризиса 1927/28 гг. Однако они не принесли желаемого результата. Кризис в заготовках хлеба, напряженные экономические отношения с деревней сохранились и в следующем сельскохозяйственном году.

На XVI конференции ВКП (б) в качестве способа подъема сельского хозяйства была определена организация «крупного социалистического земледелия» — колхозов и совхозов, а летом 1929 г. был провозглашен лозунг сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Чтобы взять хлеб у крестьянина-единоличника, нужно было воссоздать прототипы времен гражданской войны. Наиболее удобной формой изъятия зерна в деревне были колхозы. Там хлеб сразу засыпался в общий амбар, и его вывоз уже не вызывал сопротивления.

«Теоретическим обоснованием» форсированной коллективизации явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 2 ноября 1929 г. в «Правде». В ней утверждалось, что в колхозы якобы пошли основные — середняцкие — массы крестьянства, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства уже одержана «решающая победа». На самом же деле в колхозах состояло 6—7 % крестьянских хозяйств.

5 января 1930 г. Политбюро утвердило проект постановления ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», а 30 января — постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В этих документах признавалось необходимым отменить аренду земли, запретить применение наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные постройки.

Внутриклассовая дифференциация деревни рассматривалась специальной комиссией СНК СССР, которая подготовила и опубликовала в 1927 и 1929 гг. два доклада. Социальный состав советской деревни согласно выводам комиссии был следующим: сельскохозяйственные рабочие — 10,8 %, бедняки — 22,1 %, середняки — 62,7 %, кулаки — 3,9 %, т. е. из 25 млн хозяйств около 1 млн были кулацкими. Цифра не маленькая, если не принимать в расчет качественные характеристики тех, кого в те годы относили к кулачеству.

В конце 20-х гг. на одно кулацкое хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы и 1,6 головы рабочего скота. По этим показателям кулаки стояли ненамного выше середняков (1,2 головы рабочего скота и столько же коров). Очевидно, что кулаки дореволюционные и кулаки «советские» отличались друг от друга весьма значительно. До революции это были в массе своей крупные барышники-перекупщики, которые, сделав капитал на финансовых спекуляциях, скупали землю и хлеб, занимались ростовщичеством, эксплуатировали труд безземельных крестьян. Национализация земли и деятельность комбедов в корне подорвали источники их существования. В пользовании кулаков осталось лишь 5,5 % земельных угодий.

Статистика не подтверждает и представления о кулаке как о беспощадном эксплуататоре наемной рабочей силы. Число наемных работников в деревне во второй половине 20-х гг. неуклонно сокращалось.

Если в 1926/27 гг. в индивидуальных крестьянских хозяйствах по найму трудилось 1 млн 45 тыс. работников, то в 1929/30 гг. их осталось 420,1 тыс. Причем нанимались они не только к кулакам; более 75 % батраков работали у середняков, а 9 % — даже в бедняцких хозяйствах.

При этом отношения между батраком и нанимателем были принципиально иными, чем до революции, ибо регулировались государством.

В ходе коллективизации было раскулачено, по данным различных авторов, от 4 до 10 млн человек, большую часть которых составили крестьяне-середняки.

Стоимость конфискованного имущества хозяйств, раскулаченных в первый год коллективизации, была в среднем 1250 рублей, что равнялось годовому заработку квалифицированного рабочего.

Раскулачивание прежде всего должно было дать материальную базу создаваемым колхозам. С конца 1929 г. до середины 1930 г. было раскулачено свыше

320 тыс. крестьянских хозяйств. Их имущество стоимостью более 175 млн рублей было передано в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов батраков и бедноты. Это имущество составило более 34 % общей стоимости колхозного неделимого имущества.

Под сильнейшим нажимом сверху уровень коллективизации стремительно повышался, к началу марта в колхозах числилось около 60 % крестьянских хозяйств. Не осталось в стороне и местное руководство. Оно увидело возможность за счет крестьянства сделать карьеру, укрепить свое положение, отличаться в глазах центра.

Свою лепту в процесс коллективизации внес и рабочий класс. Отобранные по принципу политической преданности рабочие-двадцатипятидесятники, направляемые на руководящие должности в коллективные хозяйства, стали проводниками сталинской политики на местах.

Разъяснительная и организаторская работа подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Раскулачивать стали не только кулаков, но и середняков, не хотевших вступать в колхозы. Число раскулаченных во многих районах достигло 10—15 % крестьянских хозяйств, число «лишенцев» (лишенных избирательных прав) — 15—20 %. Массовый характер приобрел забой скота. Зимой 1929/30 гг. количество сельскохозяйственных животных уменьшилось значительно, чем за все годы гражданской войны. Результатом нажима явилось массовое недовольство и открытые протесты крестьян, вплоть до вооруженных выступлений. С начала января до середины марта 1930 г. их было зарегистрировано более 2 тыс. К концу февраля 1930 г. обстановка накалилась до предела. Опасаясь массовой вооруженной борьбы, Сталин решил отмежеваться от так называемых «перегибов» и возложить ответственность за них на местные партийные организации. С этой целью в марте 1930 г. «Правда» печатает статью Сталина «Головокружение от успехов», а ЦК ВКП (б) принимает постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

Созданные силой колхозы очень скоро стали распадаться. Если в марте они объединяли 60 % крестьянских хозяйств, то в августе — около 22 %. Отлив из колхозов мог быть и значительно большим, если бы крестьяне накануне вступления в колхоз не порезали скот и могли бы вернуть свою землю, которую забрать у колхозов было очень трудно.

Отступление в марте было тактическим ходом, ослабившим напряжение в деревне. Осенью началась новая волна коллективизации, к 1932 г. охватившей 61,5 % крестьянских хозяйств. Отбросив в сторону «либерализм», руководство страны перешло к усмирению крестьянства силой. Основными методами хлебозаготовок стали обыски, массовые аресты, выселение целых деревень, расстрелы.

Для руководства раскулачиванием в марте 1931 г. была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. По существу эта комиссия занималась распределением по стране так называемых «спецпереселенцев» на основании заявок хозяйственных организаций.

Крестьянство стало основным поставщиком бесплатной рабочей силы для сталинских проектов преобразования экономики. Введенная в 1932 г. паспортная система предотвращала бегство крестьян из колхозов. Созданные в совхозах и на машинно-тракторных станциях (МТС) политотделы, ставшие реальными органами власти в деревне, следили за проведением «партийной линии».

Сталин требовал выполнения хлебозаготовок любой ценой. В 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности, в котором за хищение колхозного имущества предусматривался расстрел (при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не менее 10 лет) с конфискацией имущества. Амнистия по таким делам запрещалась.

Хлеб из основных зерновых районов вывозился полностью, включая семенные фонды. Ежегодно стало заготавливаться 200—300 млн центнеров вместо 80—100 в период преобладания индивидуальных крестьянских хозяйств. В результате изъятия хлеба в стране начался массовый голод, унесший в 1932—1933 гг. около 5 млн человеческих жизней. Пострадали прежде всего Северный Кавказ, Поволжье, Украина, Казахстан.

Отличие голода 30-х гг. от голода начала 20-х заключалось не только в большем числе жертв, но и в том, что сам факт голода в официальной пропаганде отрицался. Серьезных мер по его преодолению принято не было. Если в 20-е гг. советское правительство разрешило общественным деятелям обратиться за помощью к Западу, то в голодные 30-е гг. хлеб вывозился из СССР за границу. В 1928 г. экспорт зерна составил около 1 млн центнеров; в 1929 г. — 13; в 1930 г. — 48,3; в 1932 г. — 18,1; в 1934 г. — 51,8 млн центнеров.

В январе 1933 г. было принято постановление об обязательных поставках колхозной продукции государству, что дало возможность даже в самом голодном 1933 г. экспортировать около 10 млн. центнеров зерна. До сих пор существует легенда, что экспорт зерна дал возможность успешно провести индустриализацию. В 1931 г. около одной трети, а в 1932 г. около половины всего мирового экспорта машин приобретал Советский Союз. На самом деле проданное в первой пятилетке зерно дало всего 444,5 млн рублей. Для сравнения — экспорт пушнины обеспечил за тот же период 300 млн рублей. Сопоставляя выручку за хлеб с суммой капиталовложений в промышленность, транспорт и строительство — 41,6 млрд. рублей, можно убедиться, что хлебная продажа не сыграла определяющей роли в индустриализации.

Жестокое бесчеловечное раскулачивание было преступлением не только против крестьян, но и против всего народа. Произвол остался безнаказанным, и это открыло «зеленую улицу» всем последующим репрессиям.

Серьезные трудности при выполнении первого пятилетнего плана заставили руководство страны, сохранив экономическую политику в целом, изменить темпы ее осуществления. С начала 1933 г. до середины 1935 г. текущее и долгосрочное планирование проводилось на более реалистической основе. В 1933 г. благодаря введению жесткого финансового контроля был стабилизирован рубль. На состоявшемся в январе-феврале 1934 г. XVII съезде были снижены первоначальные задания второй пятилетки 1933—1937 гг. Сохранив такие задачи, как завершение реконструкции всего народного хозяйства на новой технической основе, продолжение индустриализации и завершение коллективизации сельского хозяйства, съезд определил сравнительно сбалансированную экономическую политику, снижение темпов роста, официально признал необходимость приоритетного развития отраслей группы «Б». Большая реалистичность дала положительный эффект. 1934—1935 гг. из всех 30-х оказались самыми благополучными в экономическом отношении. В 1935 г. промышленное производство выросло больше, чем было запланировано — на 22,3 % вместо 16. В январе 1935 г. была отменена карточная система, а политотделы МТС преобразованы в обычные партийные органы. Процветавшие в годы первой пятилетки проповедь аскетизма, призыв к жертвенности сменялись идеологией «культурной и зажиточной жизни».

Положительные результаты вновь породили у советского политического руководства излишний оптимизм. Сталин и его единомышленники, всегда считавшие относительно умеренный курс лишь уступкой обстоятельствам, решили, что настало время для нового скачка. В качестве повода для официального провозглашения очередного поворота в конце 1935 г. было использовано стахановское движение, получившее имя донецкого шахтера Алексея Стаханова, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 г. в 14 раз перевыполнившего производственную норму. Власть осыпала его деньгами, подарками, он получил всесоюзную известность, стал национальным героем. Поддержанное сверху, стахановское движение быстро распространилось по всей стране. Его инициаторами в других отраслях производства стали П. Кривонос, Е. и М. Виноградовы, И. Гудов, А. Бусыгин. К концу 1935 г. на каждом предприятии был свой стахановец.

Для отдельных рабочих и коллективов создавались особо благоприятные условия, а затем рекорды, достигнутые ими в тепличных условиях, становились обязательными. Новые повышенные нормы не были обеспечены ни технической базой, ни квалификацией работников и приводили к частым авариям, несбалансированности смежного производства.

В декабре 1935 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли новые директивы по плану на 1936 г., существенно увеличив задания. На вооружение был взят лозунг об отсутствии объективных ограничителей наращивания производства. Все неудачи в этом направлении объясняли нежеланием части руководителей работать по-новому, вредительством врагов советской власти. Попытка очередного скачка в экономике в сочетании с усилением репрессий причинила стране непоправимый нравственный и материальный ущерб. Даже по официальным данным темпы роста общего объема промышленного производства резко упали — до 11,1 % в 1937 г. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции во второй пятилетке составили 17 %.

В сельском хозяйстве коллективный сектор к 1937 г. охватил 93 % крестьянских хозяйств. В июне 1934 г. на совещании в ЦК ВКП(б) Сталин объявил о начале завершающего этапа коллективизации. Наступление на единоличника велось путем усиления налогообложения и ограничения землепользования.

В феврале 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) утвердили Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II съездом колхозников-ударников. Был закреплен «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням — после выполнения колхозом обязательных поставок.

Вместе с тем колхозники получили возможность вести личное подсобное хозяйство и продавать свою продукцию на рынке. В 1937 г. в общем объеме валовой продукции колхозного сектора удельный вес приусадебных хозяйств составил: по картофелю и овощам — 52,1 %; плодовым культурам — 56,6 %; молоку — 71,4 %; мясу — 70,9 %.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б) был утвержден третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938—1942 гг. По мнению руководства партии и государства, страна вступала в новый период — завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. План предусматривал ускоренную индустриализацию, особенно в восточных районах. Планировалось строительство предприятий-дублеров, комплексное развитие хозяйства таких регионов, как Урал, Дальний Восток, Поволжье. В 1940 г. на востоке страны выплавлялось почти 29 % чугуна, 37 % стали, добывалось 36 % угля и 12 % нефти.

Надвигающаяся война обусловила особенно высокие темпы развития военной промышленности. За три года третьей пятилетки при среднегодовом росте выпуска продукции всей промышленности на 13,2 % в оборонных отраслях он достигал 39 %. Ассигнования на военные цели, составлявшие в 1939 г. 25,6 % государственного бюджета, увеличились в 1940 г. до 32,6 %, а в начале 1941 г. — до 43,4 %.

Основным методом достижения поставленных целей для руководства страны стало усиление репрессивной политики. В 1939 г. принимается решение об обя-

зательном минимуме трудодней для колхозников; в июне 1940 г. — Указ Президиума Верховного Совета (ВС) СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений». Самовольный уход карался тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев, за прогул без уважительной причины наказывали исправительно-трудовыми работами сроком до шести месяцев с удержанием до 25 % месячной оплаты. Указ от 10 июля 1940 г. приравнивал к вредительству со всеми вытекающими последствиями выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, несоблюдение обязательных стандартов.

В предвоенные годы значительно расширилась хозяйственная деятельность НКВД. Если по плану 1937 г. наркомату внутренних дел поручалось освоить около 6 % капиталовложений, то в 1941 г. этот показатель вырос до 14 %. Однако попытки компенсировать несовершенство организации и стимулирования труда, хозяйственного механизма в целом мерами административного воздействия не дали (и не могли дать) нужного результата. Перед самой войной правительство вынуждено было вновь заговорить о хозрасчете, экономических стимулах, материальном поощрении.

Стратегия форсированного экономического роста неизбежно вела к материальным тяготам для населения страны. Выделение ресурсов для социальной сферы лимитировалось расходами на нужды капитального строительства, тяжелой промышленности, армии. Действие этого ограничительного фактора ощутимо сказывалось на повседневной жизни. Однако индустриальная реконструкция народного хозяйства сама по себе требовала улучшения условий жизни и повышения общего культурного уровня масс. Без первичного школьного образования и медицинского обслуживания, без перехода к городскому образу жизни не мог формироваться работник индустриального типа. В этом смысле определенный прогресс в сфере быта, некоторый цивилизационный сдвиг являлся составной частью форсированной индустриализации.

При всей своей значимости изменения 30-х гг. далеко не завершили переход к цивилизованным формам социально-культурной жизни. Медицинское обслуживание резко расширилось, но качество его осталось невысоким. Рожать стали в родильных домах, а младенческая смертность в 1940 г. была выше, чем в 1926 г. Школа охватила все подрастающее поколение, но только начальная: 90 % населения в 1939 г. имели лишь начальное образование. В целом Советский Союз на протяжении 30—40-х гг. оставался страной с преобладающим сельским населением (около 60 % в 40-е гг.), обитавшим в жилищах, более половины которых не имело электрического освещения.

Известно высказывание Сталина о том, что в результате завершения первых пятилетних планов «жить стало лучше, жить стало веселее». Сегодня мы имеем

достаточно данных, чтобы подвергнуть сомнению это утверждение. В 1940 г. средняя номинальная заработная плата рабочих и служащих превышала такую в 1928 г. в 5—6 раз. Государственные розничные цены были выше в 6—7 раз, а рыночные — в 7—8 раз.

Одним из самых надежных показателей уровня благосостояния является структура потребления. Чем выше уровень потребления, тем меньше доля расходов, связанных с питанием, и выше доля непродовольственных затрат, и наоборот. В 30-е гг. структура государственного и кооперативного товарооборота менялась в сторону увеличения удельного веса именно продовольственных товаров. В 1932 г. оплата продуктов питания составила 55 % товарооборота, а в 1940 г. — 63 %.

Коллективизированное сельское хозяйство не могло обеспечить население продуктами питания. В 1940 г. в пользовании общественных хозяйств находилось 99,1 % посевной площади, но удельный вес колхозов, совхозов и других государственных хозяйств в производстве мяса составлял всего лишь 28 %, молока — 23 %, картофеля — 35 %.

В годы первых пятилеток в большинстве городов, особенно крупных, а также в новых индустриальных центрах остро стоял жилищный вопрос. К 1940 г. на каждого городского жителя приходилось немногим более 6 кв. м. полезной площади, т. е. примерно столько же, сколько до революции, и почти в 1,5 раза меньше, чем в середине 20-х гг.

Подавляющее большинство колхозников (а они составляли более половины трудящихся) не имело отпусков; они не получали никаких выплат во время болезни; колхозницам не давались оплаченные отпуска по беременности и родам. Почти ни у кого из колхозников не было пенсии. Провозглашение всеобщего социального обеспечения было не столько практическим, сколько декларативным, имеющим идеологическое значение для сталинского режима.

К концу 30-х гг. по абсолютным объемам промышленного производства СССР вышел на второе место в мире после США. Советский Союз стал одной из немногих стран, способных производить практически любой вид промышленной продукции. Однако могли быть достигнуты более значительные результаты, причем без тех неисчислимых жертв, которыми страна оплатила сталинский волюнтаризм. Ни индустриализация, ни коллективизация не решили главную задачу социализма, не обеспечили более высокую по сравнению с капитализмом производительность труда, т. е. экономическое превосходство нового строя. Сложившаяся при Сталине и сохраненная его преемниками система управления и планирования обрекла советское народное хозяйство на научно-техническое отставание, на хронический дефицит всего, что нужно человеку — жилья, продуктов питания, товаров и услуг, обеспечивающих нормальный быт.

Административно-командная система не позволила в полной мере использовать потенциал страны и для создания ее обороноспособности.

